

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ

2008 #1 (5)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ФОНДА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ»

Восстановление личности

Модель работы с людьми, пережившими пытки

Психологическая реабилитация

переживание тем сильнее, если человек пострадал от жестокости тех, от кого ожидал заботы о сохранении достоинства, прав и свобод. Эта ситуация серьезно подрывает доверие к людям, особенно состоящим на государственной службе – стр. 10

Правовая реабилитация

в случае должностных преступлений обязанности по восстановлению прав пострадавшего должно нести именно государство в лице компетентных органов – стр. 14

«Стандарт эффективной защиты»

развитие сотрудничества юристов правозащитных организаций с представителями других профессий может повысить эффективность действий по борьбе с пытками – стр. 30

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ВЕРДИКТ

Хроника — 3

Восстановление личности как модель работы с людьми, пережившими пытки — 6

Наталья Таубина

Междисциплинарное сотрудничество как стандарт эффективной защиты пострадавших от пыток — 7

Ольга Шепелева

Психологическая реабилитация людей, переживших пытки — 10

Дарья Кутузова

Правовая реабилитация жертв пыток в России — 14

Захар Жуланов

Ущербность моральная и материальная — 19

Артем Костюковский

В поисках утраченного доверия — 21

Асмик Новикова

«Реформа милиции на местах» — 28

Интервью с Алексеем Титковым

«Мы хуже зверей» — 31

Валерий Курносов

Нижегородская сага — 32

Сергей Ядыкин

Посмертная защита — 34

Рената Пеннер

Дело чести — 36

Гульнара Шакирова

Информационно-аналитический бюллетень
Фонда «Общественный вердикт». Издаётся с 2004 г.

Подписано к печати 18.07.2008
Формат 420 x 297. Печать офсетная
Тираж 870 экземпляров. Заказ 870.
Отпечатано в типографии Россельхозакадемии.
115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

Ответственный редактор — Олег Новиков
Корректор — Наталия Покровская
Авторы: Захар Жуланов, Артем Костюковский,
Валерий Курносов, Дарья Кутузова, Асмик Новикова,
Рената Пеннер, Ольга Садовская, Наталья Таубина,
Гульнара Шакирова, Ольга Шепелева, Сергей Ядыкин
Макет и дизайн: Сергей Егоров, Владимир Бугров

Фото на обложке: Тимур Воронов, фотографии из
личного архива людей, переживших пытки и жесто-
кое обращение.

На обложке номера изображены граждане, пережившие пытки и жестокое обращение. Благодаря гражданскому мужеству этих людей Фонду «Общественный вердикт» и его региональным партнерам удалось добиться справедливых приговоров для недобросовестных представителей правоохранительных органов, выплат компенсаций потерпевшим, признания властью наличия в стране проблемы пыток. Фонд «Общественный вердикт» благодарит людей, предоставивших свои архивы для опубликования в Информационно-аналитическом бюллетене №1 (5) 2008 г.

Фото: Кирилл Затрутин, Александр Купревич,
Николай Мызиков, Олег Новиков, Александр Васильев

ХРОНИКА

Четыре года назад, в 2004 году, был создан российский правозащитный фонд «Общественный вердикт».

В 2008 году Фонд продолжил оказывать юридическую и информационную поддержку пострадавшим от нарушений прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов. С начала года в производство «Общественного вердикта» было принято 32 новых дела.

В результате работы юристов Фонда и приглашенных адвокатов за первую половину 2008 года было отменено около десяти незаконных постановлений следственных органов, девяти сотрудникам правоохранительных органов предъявлены обвинения в совершении должностных преступлений, в отношении семерых обвиняемых вынесены обвинительные приговоры, которые вступили в законную силу.

Нередко препятствием в работе правозащитников становится пассивность и невысокая правовая грамотность граждан. Поэтому Фонд развивает информационное и PR направления в своей деятельности, в рамках которых общественности рассказывается об успешном опыте соотечественников, выбравших путь официальных разбирательств для защиты своей личности от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов. На примере конкретных историй других людей мы пытаемся убедить граждан в том, что борьба за восстановление нарушенных прав не обречена на неудачу, и что недопустимо оставлять безнаказанными преступления сотрудников правоохранительных органов.

Сотрудничество с федеральными и региональными телеканалами и радиостанциями, информационными агентствами и Интернет-ресурсами, редакциями газет и журналов стало взаимовыгодным. От Фонда СМИ оперативно получают достоверную и, главное, подробную информацию о делах, которые касаются незаконных действий сотрудников правоохранительных органов. Тогда как от пресс-служб прокуратур или судов получить полную информацию практически невозможно. Журналисты публикуют материалы о делах Фонда и тем самым привлекают внимание общественности к проблеме нарушения прав конкретного человека.

Продолжается сотрудничество с региональными партнерскими организациями по правовому и информационному сопровождению дел людей, пострадавших от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов. Наиболее эффективная работа ведется с Межрегиональным Комитетом против пыток (Нижний Новгород), Межрегиональной организацией «Комитет 29» (Абакан), Рязанским обществом «Мемориал», Коми республиканской правозащитной комиссией «Мемориал» (Сыктывкар), Южно-Сибирским правозащитным центром (Новокузнецк), Правозащитным движением «Оса» (Республика Хакасия), Республиканской общественной организацией «Человек и Закон» (Республика Марий Эл). Фонд также сотрудничает с Краснодарской организацией «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Читинским правозащитным центром, Новороссийским комитетом по правам человека, Красноярским общественным комитетом по правам человека.

Как в России расследуются дела о пытках

В январе 2008 года эксперты Фонда проанализировали российскую практику расследований дел о пытках и жестоким обращении. Выводы неутешительные: нарушение международных стандартов эффективного расследования, а также российских нормативно-правовых актов, является широко распространенной практикой.

Во многих случаях органы прокуратуры принимают незаконные решения об отказе в возбуждении уголовных дел по заявлениям граждан, в которых, как правило, речь идет о преступлениях, совершенных сотрудниками милиции. Впоследствии эти решения отменяются вышестоящими прокурорами или судами. Не редки случаи, когда такая цепочка повторяется несколько раз, прежде чем уголовное дело все-таки возбуждается. Это приводит к затягиванию расследования и потере важных доказательств.

Необходимо обратить внимание на то, что, как правило, постановления, признаваемые прокурорами как вынесенные преждевременно и необоснованно, отменяются исключительно по жалобам потерпевших, а не по инициативе прокуроров.

Анализ хода расследований показал, что следственные органы при прокуратуре ведут дела без должной тщательности, не выполняют все необходимые следственные действия, не опрашивают свидетелей, не дают должной оценки показаниям потерпевших и эти показания не берутся в расчет, в то время, как показания сотрудников милиции учитываются и на них строятся версии следствия.

Правовой анализ проведен на основе 49 дел, находящихся в производстве Фонда и его региональных партнеров, по которым на январь 2008 года уже вынесен приговор (45 дел) или дело в момент подготовки документа слушалось в суде (4 дела). Текст аналитического доклада можно прочитать на сайте Фонда, по адресу: <http://www.publicverdict.org/ru/articles/research/300108.html>

Россияне хотят реформировать милицию и поставить ее на службу гражданам

74% опрошенных граждан России поддерживают идею реформирования милиции – таков главный вывод социологического исследования на тему «Отношение населения к ре-

форме милиции», представленного 19 марта Фондом «Общественный вердикт». В рамках исследования, проведенного совместно специалистами Фонда и Аналитического центра Юрия Левады, были опрошены более тысячи граждан России в возрасте 18 лет и старше.

По мнению 74% респондентов в результате реформы милиция должна превратиться в службу, которая призвана обслуживать интересы граждан, обеспечивать их права и безопасность, следить за общественным порядком. Существенно меньшая часть поддерживает идею, что милиция должна работать в интересах государства и бороться с преступностью.

61% опрошенных считает, что милиция не сможет успешно работать по профилактике преступности без содействия граждан. Наиболее активными сторонниками реформы милиции, согласно результатам исследования, оказались москвичи и жители средних городов. Они чаще других выступают за привлечение к разработке программы реформирования милиции независимых экспертов и правозащитников. С результатами исследования можно познакомиться на сайте Фонда по адресу: http://www.publicverdict.org/ru/articles/research/reform_police.html

«Общественный вердикт» провел семинар, посвященный практическим аспектам работы с Европейским судом по правам человека

3–5 апреля «Общественный вердикт» организовал и провел семинар «Как работать с Европейским судом по правам человека». Семинар был адресован юристам правозащитных организаций–партнеров Фонда в российских регионах.

Правозащитники изучили порядок подачи жалоб в Европейский суд (ЕСПЧ), были проанализированы основные этапы рассмотрения жалоб (решение вопроса о приемлемости жалобы, обоснование претензий о справедливой компенсации и др.). Участники семинара также ознакомились с процессом исполнения решений (выплата компенсаций, участие представителей заявителя и НПО в исполнении решений и т.д.).

На семинаре был также рассмотрен опыт работы по делам, которые касаются различных статей Европейской Конвенции по правам человека, были обсуждены вопросы эффективного расследования случаев причинения смерти и жалоб на пытки, практические аспекты подготовки жалобы и ведения дел в ЕСПЧ.

Тренерами на семинаре выступили – эксперт Фонда, юрист организации «Право общественных интересов» (ПИИ) Ольга Шепелева (Москва) и преподаватель Юридического факультета Самарского государственного университета, к.ю.н. Олег Анищик (Самара).

В Москве прошел круглый стол по вопросам реформирования милиции

Правозащитники из десяти некоммерческих организаций России приняли участие в работе круглого стола на тему «Реформа милиции: основные направления и принципы реформирования», который был проведен 10 апреля. Круглый стол был организован Фондом «Общественный вердикт».

В обсуждении приняли участие эксперты Фонда «Общественный вердикт», Института прав человека (Москва), Независимого экспертно-правового совета (Москва), Правовой инициативы по России (Москва), Правозащитного центра «Мемориал» (Москва), Института «Право общественных интересов» (Москва), Пермского регионального правозащитного центра (Пермь), Межрегионального Комитета против пыток (Нижний Новгород), Красноярского Общественного комитета по защите прав человека (Красноярск), Коми

правозащитной комиссии «Мемориал» (Сыктывкар).

Эксперты обсудили перспективы участия некоммерческих организаций в процессе реформирования милиции, определили значимые направления реформ, разработали предложения по возможностям и формам участия граждан в процессе планирования реформы. Кроме того, были изучены итоги последнего исследования, проведенного организатором мероприятия – Фондом «Общественный вердикт».

Мобильная группа расследует обстоятельства гибели «Лешего»

В конце апреля – начале мая 2008 года Сводная мобильная группа (СМГ) Фонда «Общественный вердикт» и Рязанского общества «Мемориал» в рамках проекта «Противодействие произволу правоохранительных органов: Сводные мобильные группы российских правозащитных организаций» (проект реализуется при поддержке Министерства иностранных дел королевства Нидерланды) выезжала в Костромскую область для выяснения обстоятельств гибели местного отшельника, известного по прозвищу «Леший». Кроме того, эксперты мобильной группы должны были выяснить, имелись ли законные основания для задержания этого гражданина и привлечения для этих целей Костромского ОМОНа.

Как стало известно из сообщений СМИ, «Леший» – СМИ ссылались на отсутствие сведений о его имени и фамилии – в течение двадцати лет проживал на территории Кологривского заповедника в Костромской области без ведома местных властей, и, в частности, незаконно занимался вырубкой леса и охотой. Это стало поводом, по сообщениям СМИ, для организации операции костромского ОМОНа и сотрудников милиции города Кологрив по его задержанию, в результате которой «Леший» был убит выстрелом в голову. По официальным данным, гибель отшельника 14 марта 2008 года стала случайным результатом операции «по обезвреживанию вооруженного до зубов браконьера».

Юристы мобильной группы провели опрос жителей городов Мантурово, Кологрив, деревень Суховерхово, Починок, Федорково, поселка Аверьяновка. Вопреки большинству публикаций, а также комментариям администрации заповедника и представителей правоохранительных органов, опрошенные не подтверждали сообщения о том, что «Леший» занимался браконьерством и воровством, «держал в страхе» местных жителей.

Согласно предварительным выводам экспертов сводной мобильной группы, усматривается, что органы предварительного расследования не вызывали и не допрашивали свидетелей, которые могли дать информацию о данных, имеющих существенное значение для расследования дела. Кроме того, есть причины сомневаться в правомерности применения силы. Материалы, собранные СМГ, позволяют сделать вывод, что у органов власти не было доказательств того, что «Леший» занимался противоправной деятельностью или совершал какие-либо преступления.

Дело «Лешего» находится в производстве Фонда «Общественный вердикт», и в дальнейшем Фонд будет добиваться полного и обстоятельного расследования гибели человека, случившейся в результате спецоперации костромского ОМОНа и сотрудников милиции Кологрива.

Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов: обстоятельства совершения и судебная практика назначения наказаний

Эксперты Фонда подготовили правовую анализ должностных преступлений сотрудников правоохранительных органов. В документе рассмотрены обстоятельства, при которых совершались преступления должностными лицами, и судебная практика назначения наказаний за данные преступления.

Дела, которые находятся в производстве Фонда «Общественный вердикт», позволяют проанализировать практики применения насилия, специальных средств и оружия сотрудниками правоохранительных органов.

Согласно выводам экспертов, своеобразное «лидерство» в должностных преступлениях занимают сотрудники уголовного розыска. Но особое внимание обращает на себя незаконное применение физической силы начальниками территориальных отделов милиции и их заместителями. Являясь руководителями структурных подразделений, они своим поведением и действиями, отношением к исполнению должностных обязанностей должны показывать пример подчиненным сотрудникам. Вместо этого они сами нарушают закон, тем

самым давая понять, что сотрудникам можно вести себя подобным образом. Преступления, совершенные данной категорией должностных лиц, являются тяжкими с точки зрения уголовного законодательства, и совершенно не допустимыми с точки зрения последствий для работы отдела милиции в целом.

Правовой анализ подготовлен на основе дел, которые охватывают период с 2004 по 2008 гг. и находятся в производстве Фонда «Общественный вердикт». Дела были предметом официального разбирательства со стороны государственных органов, правовое сопровождение и защиту прав потерпевших осуществлял Фонд «Общественный вердикт» и его региональные партнеры в 11 регионах. В аналитическую обработку было включено 37 дел из Москвы, Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Северная Осетия – Алания, Республики Татарстан, Чувашской Республики, Кемеровской области, Нижегородской области, Рязанской области, Свердловской области, Читинской области.

По всем делам, которые были вынесены для анализа, вынесены судебные решения – приговоры в отношении сотрудников правоохранительных органов. Текст аналитического доклада можно прочитать на сайте Фонда, по адресу: <http://www.publicverdict.org/ru/articles/research/230608.html>

Юристы российских правозащитных организаций проверяют сообщения о массовом избиении молодежи в Дальнеморске (Приморский край)

В конце апреля 2008 года в Фонд «Общественный вердикт» поступило несколько заявлений от жителей города Дальнегоморска Приморского края. Из обращений граждан следовало, что в ночь с 27 на 28 октября 2007 года у Дома культуры «Березка» сотрудники милиции жестоко избили подростков. В эту же ночь было задержано более 20 человек, все они, по сообщениям заявителей, также были избиты сотрудниками милиции.

Родственники пострадавших подростков сообщили, что многие молодые люди после инцидента обращались с жалобой в прокуратуру Дальнегоморска с целью возбудить уголовные дела в отношении сотрудников милиции.

Но согласно выводам должностных лиц следует, что «группа нетрезвых подростков устроила массовую драку, а когда прибыли сотрудники милиции для пресечения беспорядков, молодежь напала на них. В результате чего сотрудники милиции вынуждены были применить физическую силу и специальные

средства. Отсюда наличие телесных повреждений у молодых людей (переломы костей носа, сотрясения мозга, гематомы по всему телу, ушибленные раны головы, травмы половых органов и другие телесные повреждения). Также в отношении некоторых подростков возбуждены уголовные дела».

Правозащитниками в рамках проекта «Противодействие произволу правоохранительных органов: Сводные мобильные группы российских правозащитных организаций» (проект реализуется при поддержке Министерства иностранных дел королевства Нидерланды) приняли решение о создании сводной мобильной группы в составе юристов Фонда «Общественный вердикт», республиканской организации «Человек и Закон» и Межрегионального Комитета против пыток, для того, чтобы на месте разобраться, что же произошло на самом деле.

Выяснилось, что прибывшие к ДК «Березка» сотрудники милиции стали хватать и избивать всех, кто попадался под руку. В ход шли и резиновые палки, и кулаки, и ноги. Затем молодых людей доставили в местное УВД, там задержанных продолжили избивать. Следует отметить, что большинство задержанных были несовершеннолетними.

«Дальнегорское» дело находится в производстве Фонда «Общественный вердикт», и в дальнейшем Фонд будет добиваться восстановления прав пострадавших подростков.

Эксперты обсудили перспективы реформы милиции

Московский Центр Карнеги совместно с Фондом «Общественный вердикт» провел семинар по проблемам реформирования милиции. Предметом обсуждения стали результаты исследования Фонда «Общественный вердикт» и Левада-Центра на тему «Отношение населения к реформе милиции», а также предложения правозащитников по реформе милиции и подключению к этому процессу гражданского общества.

По словам Натальи Таубиной, директора Фонда «Общественный вердикт», в обществе зреет недовольство милицией, но желание реформировать ее структуру практически не формируется. Можно констатировать, что население боится, что после реформы милиция станет еще более неэффективной и бюрократизированной структурой.

Реформа должна быть максимально локализована и пройти опробование в регионах России. Оценивать качество работы милиции нужно не только на основе статистических данных о раскрываемости преступлений. Необходи-

мы сторонняя оценка и обратная связь с населением. Наиболее болезненными в этом контексте становятся точки непосредственного взаимодействия населения и милиции в лице участковых уполномоченных и сотрудников патрульно-постовой службы. Здесь требуется целенаправленная работа с личным составом.

Психологи Фонда познакомили коллег из регионов России с методиками реабилитации граждан, переживших пытки

10-11 июня 2008 года в Москве Фонд провел обучающий семинар для специалистов региональных партнерских организаций. Семинар проходил в рамках проекта Фонда «К комплексной реабилитации жертв пыток». Проект осуществляется при поддержке Добровольного фонда ООН поддержки жертв пыток. В семинаре приняли участие специалисты, представляющие правозащитные организации из Перми, Рязани, Йошкар-Олы (Республика Марий Эл), Краснодара, Сыктывкара (Республика Коми), Новокузнецка (Кемеровская область) и Абакана (Республика Хакасия).

Пытки и жестокое, унижающее обращение наносят людям, помимо физических, психические травмы, с последствиями которых людям приходится справляться в течение длительного времени. Восстановление прав пострадавшего и справедливости, компенсация причиненного вреда в рамках реабилитационных программ, проводимых за рубежом, включают, помимо собственно юридического, также медицинский и психосоциальный аспекты. Психосоциальная реабилитация, помимо своего прямого назначения, оказывается полезна для процесса взаимодействия всех сотрудников правозащитной организации с пострадавшим.

Вопросы психосоциальной реабилитации людей, переживших пытки, только начинают прорабатываться в России, поэтому так важны встречи разных специалистов-практиков, работающих в этой области, обмен опытом достижений и трудностей, поддержка друг друга.

Восстановление личности как модель работы с людьми, пережившими пытки

Таубина Наталья, директор Фонда «Общественный вердикт» (Москва)

Оказание правовой и информационной поддержки пострадавшим от неправомерных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов является ключевым направлением работы с момента создания Фонда «Общественный вердикт». Эти две составляющие всегда были и остаются логически связанными и взаимодополняющими, нацеленными с одной стороны, на восстановление прав потерпевшего, с другой, на создание в обществе атмосферы нетерпимости к таким нарушениям. При этом опыт работы, общение с пострадавшими от должностных преступлений, особенно связанных с пытками и жестоким обращением, с каждым новым делом все более настойчиво демонстрировали необходимость включения в сферу нашей деятельности еще одного компонента – программы психологической и психосоциальной реабилитации жертв нарушений прав человека сотрудниками правоохранительных органов. Именно поэтому в 2007 году Фонд открыл такую пилотную программу, и уже первые результаты показали, что включение компонентов психологической и психосоциальной реабилитации в работу с людьми, пережившими пытки, позволяет в более полной мере восстанавливать причиненный им ущерб и помогать возвращаться к социальной жизни.

Кроме того, опыт работы Фонда и коллег из других организаций свидетельствует, что в ряде случаев психологическая и психосоциальная поддержка повышают эффективность правовой помощи пострадавшим. Эта поддержка позволяет справиться с памятью о полученной травме и испытываемым в связи с этим стрессом, которые зачастую препятствуют полноценному участию жертв в необходимых юридических действиях по восстановлению их прав.

Важно отметить, что программы психологической и психосоциальной реабилитации пострадавших от

пытках, насилия и жестокого обращения при своей очевидной важности мало распространены в России. Российские правозащитные организации уже не первый год оказывают высокопрофессиональные юридические и информационные услуги пострадавшим от нарушений прав человека со стороны правоохранительных органов, однако, до сих пор только единицы из них работают в направлении психологической реабилитации. Тем более актуальным становится опыт коллег из других стран, его апробация, адаптация и распространение в нашей стране. На решение этих задач и направлена программа психологической и психосоциальной поддержки жертв пыток и жестокого обращения, реализуемая в Фонде с 2007 года при поддержке Добровольного фонда ООН по поддержке жертв пыток.

Развитие программ психосоциальной реабилитации людей, переживших пытки, наряду с действующими программами юридической и информационной поддержки еще на шаг приближает работу с жертвами к модели комплексного восстановления личности. Такая модель предполагает, что человек, переживший пытки, получает не только квалифицированную правовую помощь, но также медицинскую и психосоциальную.

Решение посвятить вопросам комплексного восстановления личности главную тему этого номера бюллетеня стало совершенно логичным. Настоящий бюллетень является пусть и небольшим, но все же вкладом в появление и дальнейшее развитие в России программ психосоциальной поддержки людей, переживших пытки, – одного из неотъемлемых компонентов восстановительной работы с жертвой.

Первая часть бюллетеня – сугубо аналитическая. В ней представлены статья Ольги Шепелевой, в которой излагается подход международных документов к работе с жертвами пыток, статья Захара Жуланова о

правовой реабилитации с помощью российских средств правовой защиты, которая, безусловно, станет очень хорошим учебным материалом для тех юристов, которые только начинают работать в направлении юридической защиты жертв пыток, а также статья Дарьи Кутузовой о психосоциальной реабилитации и той работе, которая уже проделана Фондом и его партнерами.

Материалы, представленные в этом номере бюллетеня, помогут заинтересованным правозащитникам восполнить пока еще сохраняющийся пробел в информации о направлениях по восстановлению личности, пережившей пытки. Мы надеемся, что эти материалы будут восприняты с интересом и будем рады «обратной связи» и дальнейшей возможности поделиться нашим опытом.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК СТАНДАРТ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПЫТОК

Ольга Шепелева, юрист, Институт «Право общественных интересов» (PILI), (Москва)

Принято считать, что права и свободы человека не должны рассматриваться исключительно с точки зрения юриспруденции. За юридическими определениями прав и свобод стоит существующая или желаемая реальность. Именно на нее, в конечном счете, ориентирована работа правозащитных организаций и движений. Смысл, который они вкладывают в юридические формулировки прав и свобод, определяют цели и методы их деятельности.

Наполнить содержанием нормы о правах человека правозащитник может исходя из собственного опыта. Однако индивидуальный опыт не универсален. Опираясь только на него, не всегда возможно разграничить случаи соблюдения и нарушения прав и свобод, сформулировать требования по реализации того или иного права. Помочь в оценке тех или иных фактов и обстоятельств с точки зрения прав человека может обращение к другому профессиональному знанию.

Статья 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹ (далее – Конвенция против пыток) определяет пытки как причинение боли или страдания. Здравый смысл обычно позволяет нам оценить причинение боли или страдания в наиболее типичных случаях: все мы знаем, например, что сильный удар вызывает боль. Однако в нетипичных ситуациях наших знаний может быть недостаточно. Собственный опыт правозащитника и юриста не всегда позволяет понять, например, реакцию ребенка, больного человека или представителя какой-либо религиозной группы на ту или иную форму обращения с ними. Также юридическому опыту часто оказы-

вается недостаточно, чтобы выявить и зафиксировать доказательства пыток. Именно поэтому международные документы указывают, что расследование пыток должно включать в себя обращение к медикам, психологам и другим специалистам, профессионально изучающим физические и психические реакции человека.

Например, Стамбульский протокол², определяющий стандарты эффективного расследования случаев пыток, уделяет большое внимание порядку, который касается проведения медицинской экспертизы предполагаемых жертв пыток. Одновременно в этом документе говорится о центральной роли психологической

экспертизы. Авторы Стамбульского протокола объяснили значимость такого обследования спецификой самих пыток, приводящих не только к телесным повреждениям. Боль и страдание, причиняемые в ходе пытки, могут «оказывать значительное влияние на эмоциональные и поведенческие функции человека», на его способность «осознавать себя частью семьи и общества, человеком, у которого есть мечты, надежды и планы на будущее».

Важно отметить, что Стамбульский протокол не сводит роль врачей, психологов и других специалистов к проведению экспертиз. Предполагается, что эти специалисты снабдят следователей общей информацией о пытках и их медицинских и психологических последствиях. Более того, Стамбульский протокол рекомендует, что «жертве, свидетелям, а также членам группы (проводящей расследование) должен обеспечиваться доступ к услугам психологов и консультантов, специально подготовленных для работы с жертвами пыток». Участие психологов и консультантов необходимо для того, чтобы создать оптимальные

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. N 6416-XI. Конвенция вступила в силу (в том числе для СССР) 26 июня 1987 г. Также как и в случае с Международным пактом о гражданских и политических правах, Российская Федерация является участником этого международного договора как правопреемник СССР.

² Стамбульский протокол. Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных, и унижающих достоинство видов обращения и наказания. Протокол разработан группой правозащитных, юридических, медицинских, психологических и иных организаций из разных стран мира и представлен 9 августа 1999 году Верховному комиссару ООН по правам человека. Данный документ не был официально принят органами ООН, но распространяется секретариатом Верховного комиссара ООН по правам человека как свод наиболее современных и детально проработанных стандартов расследования пыток.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ

Выгорание - это эмоциональная реакция на хронический стресс, впервые обнаруженная у специалистов, по роду деятельности постоянно соприкасающихся с человеческим страданием, а потом выявленная и в других профессиональных областях. В самом феномене выгорания можно выделить три аспекта: истощение (физическое и эмоциональное), обесценивание собственного труда и людей, с которыми ведется работа (профессиональный цинизм), а также переживание снижения эффективности собственной профессиональной деятельности («раньше у меня все как-то лучше получалось»). *Эмоциональное истощение* – чувство постоянного эмоционального напряжения и отсутствия необходимых внутренних ресурсов для осуществления своей работы. *Обесценивание труда* выражается в стремлении воспринимать рабочие задачи и клиентов отстраненно, без сочувствия.

Выгорание развивается постепенно: вначале возникает эмоциональное истощение, затем - обесценивание труда. Для совладания со стрессовой ситуацией человек начинает постепенно применять все меньше конструктивных, преобразующих ситуацию стратегий, предпочитая разные способы ухода от проблемы.

Последствия могут быть различными. Выгорание связано с соматическими заболеваниями и психическими расстройствами. Люди, страдающие от выгорания, употребляют больше медикаментов, алкоголя и других психоактивных веществ. У них возникают трудности в общении с родственниками, коллегами, клиентами. Они более уязвимы по отношению к стрессовым ситуациям, особенно на работе. Многие люди, страдающие от выгорания, испытывают большое искушение уволиться, и для некоторых это – наилучший вариант. Те, кто остается на работе, зачастую теряют энтузиазм и трудятся менее эффективно. Однако если им удастся преодолеть сложности, они извлекут из этого полезные уроки на будущее и применяют их на пользу себе и делу.

Кто более подвержен выгоранию?

Выгоранию более подвержены менее опытные сотрудники (которые чаще всего и моложе других); явных различий между мужчинами и женщинами не выявлено. Если работа для человека – единственный источник дохода и его недостаточно для содержания семьи плюс имеются хронические стрессовые ситуации в других областях жизни, то вероятность развития выгорания существенно повышается.

Из характеристик условий и порядка труда наиболее сильно влияют на выгорание перегруженность работой (иногда обозначаемая как недостаток времени) и продолжительность рабочего дня. Важен такой аспект организации жизни, как «жизненный баланс» - забота о других сферах жизни, таких, как здоровье, отношения с близкими, саморазвитие, условия существования, отдых и развлечения и т.п.

Что касается содержания труда, то здесь очень важно, насколько работник реально участвует в принятии решений, определяющих специфику его деятельности. Один из самых важных социально-психологических факторов, рассматриваемых в контексте выгорания – социально-психологические взаимоотношения в организации, как по вертикали, так и по горизонтали. Решающую роль в этом играет социальная поддержка со стороны коллег и людей, вышестоящих по своему профессиональному и социальному положению. Наиболее значимой для работников является поддержка руководства.

Для понимания особенностей выгорания у разных людей полезно учитывать также такой фактор, как увлеченность работой. Если работа не увлекает, а те задачи, которые она ставит, вдобавок слишком сложны, выгорание наступает быстро и лучшим средством от него является смена рода деятельности. Если человек вкладывается в работу, видит массу возможностей улучшить происходящее, берет на себя много ответственности и перенапрягается, возникает самая типичная картина выгорания. Такого профессионала можно уважать за его приверженность делу, но он нуждается в психологической помощи, если хочет продолжать эффективно помогать людям. Если человек занимается тем, что действительно его увлекает, и ему удастся оптимальным образом организовать свою деятельность и заручиться поддержкой коллег и близких, выгорание маловероятно. Оно также редко имеет место, при формальном отношении к работе, без вкладывания в нее души. Такой подход может быть эффективен, но он подходит не для всех.

Нейтральность – обоюдоострое оружие

Чтобы стать профессионалом в юриспруденции, приходится осваивать и принимать определенную профессиональную позицию. Зачастую эта позиция описывается как «нейтральность». Специалистам в процессе подготовки внушают, что их работа с людьми – процесс односторонний: они влияют на судьбу и жизнь клиентов, но клиенты на жизнь специалистов влиять не должны. А если влияют, если их чувства и жизненная ситуация вызывают эмоциональный отклик у профессионала, то это означает, что он «потерял нейтральность». Психологов и психотерапевтов большинства направлений, «потерявших нейтральность», обязывают проходить супервизию. Подобного рода супервизии у юристов нет. Зачастую работа юриста вообще описывается в безличных терминах права и оформления документов, как будто это работа не с людьми. В результате во взаимодействии с клиентом происходит его «обесчеловечивание», превращение в «случай», в вещь, что пагубно влияет как на клиента, так и на самого профессионала.

Становится закамуфлированным то, что любая работа, в ходе которой приходится разговаривать с людьми, выслушивать их истории – это процесс двусторонний. Профессионал влияет на клиента, но история клиента тоже естественным образом вызывает отклик. Можно даже сказать, что, выслушав историю человека, ты становишься в какой-то степени иным по сравнению с тем, каким был до того. Но если необходимо игнорировать и скрывать наличие отклика, это отнимает много сил и вызывает чувство неадекватности у профессионала. Существенная часть значимого опыта «выключается» из жизни юриста, она от этого беднеет, что приводит к расколу между «рабочей» и «внерабочей» жизнью, возникновению напряженности в отношениях с близкими людьми.

Формализм в ведении юридической документации не позволяет специалисту создать осмысленную историю своей работы и профессионального развития, поддерживать контакт с теми ценностями, ради укрепления которых он и пришел работать в эту область. «Казенный язык» описания случаев, используемый и в разговоре с коллегами, не позволяет признать сильные эмоциональные переживания, приводит к тому, чтобы каждый юрист справлялся со своими чувствами самостоятельно и тем самым не позволяет получить необходимую социальную поддержку. А это - прямая дорога к выгоранию.

Дарья Кутузова

условия для сбора информации в процессе расследования: наладить контакт между пострадавшими и следователями, подготовить пострадавших к даче подробных объяснений о случившемся и пр. Кроме того, помощь специалистов помогает следователям избежать неkritичного отношения к показаниям предполагаемых жертв, а также предотвратить вторичную травматизацию участников расследования.

Можно возразить, что вовлечение в расследование пыток медиков и психологов и налаживание взаимодействия с ними не является столь уж необходимым. Расследование является частью процедуры проверки факта нарушения и, если нарушение имело место, - восстановления прав пострадавшего, а такие процедуры носят преимущественно правовой характер. С этой точки зрения затрачивать усилия для привлечения различных специалистов и налаживать взаимоотношения с ними не столь важно, как привлечь к расследованию высокопрофессиональных юристов.

Тем не менее, такой подход к расследованию оказывается недостаточно эффективным с точки зрения результатов, то есть, с точки зрения создания возможностей для наиболее полного восстановления прав пострадавших. Напротив, междисциплинарное сотрудничество в рамках расследования пыток позволяет достигнуть тех стандартов восстановления нарушенных прав пострадавших, какие предлагаются международными документами.

Уже в Конвенции против пыток указано, что жертва пыток должна иметь подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для более полной реабилитации³. То есть, на уровне международного договора установлено, что восстановление прав пострадавшего от пыток включает в себя предоставление возможностей для реабилитации. Стандарты восстановления прав пострадавших от пыток получили дальнейшее развитие в международных документах о правах человека, в частности - в Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права⁴ (далее - Основные принципы). Согласно Основным принципам, восстановление прав пострадавших должно включать в себя

реституцию, компенсацию, реабилитацию, сатисфакцию и гарантии неповторения случившегося.

Суть реституции - в максимальном восстановлении того положения, в котором находилась жертва до нарушения ее прав. Реституция, таким образом, может включать в себя различные правовые и административные меры, например: восстановление свободы, документов, удостоверяющих личность, семейной жизни и гражданства, возвращение на прежнее место жительства, восстановление на работе и пр.

Компенсация - это финансовое возмещение за любой поддающийся экономической оценке ущерб, причиненный пыткой, включая физический или психический ущерб, упущенные возможности, в том числе в области трудоустройства, образования и получения социальных льгот, материальный ущерб и упущенную выгоду, в том числе потерю возможности зарабатывать, моральный ущерб, расходы на правовую или экспертную помощь, лекарства и медицинское обслуживание, а также на услуги психологических и социальных служб.

Реабилитация должна включать в себя оказание медицинской и психологической помощи, а также юридических и социальных услуг.

Под сатисфакцией подразумевается публичное признание фактов нарушений, привлечение к ответственности виновных, извинения перед пострадавшим и прочие действия.

Гарантии неповторения случившегося в меньшей степени ориентированы на самих пострадавших и в большей степени - на общество и государственные институты. Это действия по устранению причин нарушений прав человека и созданию механизмов их обеспечения и защиты.

Таким образом, с точки зрения международно-правовых документов, восстановление прав пострадавших от пыток представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой мер самого разного свойства. Правовые процедуры являются важным связующим звеном в этом комплексе, но результатом этих процедур должно стать изменение качества жизни пострадавшего: восстановление здоровья, самоуважения, имущественного и социального статуса. Очевидно, что для достижения таких результатов юридические решения должны учитывать информацию не юридического свойства: данные о влиянии пыток на физическое и душевное здоровье пострадавшего и пр. А такие данные могут быть получены только в том случае, если в расследовании пыток, наряду с юристами, принимают участие и другие специалисты.

Перечисленные требования международных документов обращены в первую очередь к государствам. Тем не менее, НПО также следует по мере возможности стремиться к внедрению междисциплинарного подхода к защите прав пострадавших от пыток. Уже сейчас российские НПО прилагают усилия по организации собственных медицинских и психологических реабилитационных программ для пострадавших от пыток. Юристы НПО признают необходимость привлечения врачей разного профиля для обоснования исков о компенсации причиненного пытками вреда. Представляется, что развитие сотрудничества юристов правозащитных организаций с представителями других профессий может повысить эффективность действий по борьбе с пытками.

³ См. статью 13 Конвенции против пыток.

⁴ Утверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2006 г. N A/RES/60/147.

Психологическая реабилитация людей, переживших пытки

Дарья Кутузова, кандидат психологических наук, психотерапевт, специалист по работе с пострадавшими от насилия и жестокого обращения, (Москва)

Пытки и жестокое обращение наносят людям, помимо физических, психические травмы, с последствиями которых приходится справляться в течение длительного времени.

Жестокое, унижающее обращение и пытки, помимо физических страданий, наносят тяжелую психическую травму, с последствиями которой людям приходится справляться в течение длительного времени.

Переживание травмы наиболее вероятно, если человек пострадал от намеренной жестокости тех, от кого он ожидал заботы о сохранении его достоинства, прав и свобод. Подобная ситуация очень серьезно подрывает доверие к людям, особенно состоящим на государственной службе.

Стремление восстановить справедливость, получить компенсацию за полученный ущерб, защитить других людей, которые тоже могут пострадать от жестокого обращения, побуждает некоторых пострадавших обращаться в правозащитные организации. Часто при взаимодействии с юристом, будучи вынужденными в целях сбора свидетельств вспомнить и заново пережить болезненные эпизоды своей жизни, люди испытывают повторную психическую травму. Это может затруднить общение с юристом или вообще вынудить отказаться от получения юридической помощи. Выслушивание историй о насилии и жестоком обращении может травмировать и юриста, а также вызвать у него так называемое «профессиональное выгорание» (см. врезку на стр. 6).

Людям, пережившим травму, в большинстве случаев необходима психосоциальная реабилитация. В психосоциальной реабилитации можно выделить два основных направления: непосредственная работа пострадавшего с психологом (психотерапевтом), и изменение формы взаимодействия юриста и пострадавшего, направленное на уменьшение риска повторной травматизации.

Основная задача психосоциальной реабилитации в том, чтобы восстановить способность человека влиять на собственную жизнь (чувства человеческого достоинства, уверенности, веры в себя) и восстановить разорванную ткань социальных отношений (доверия, взаимной поддержки, уважения, сотрудничества, заботы). Тем самым, психосоциальная реабилитация позволяет трансформировать опыт переживания травмирующего события в посттравматический рост, чтобы человек в результате стал внимательнее, сильнее, мудрее, возможно, социально активнее, если таков его выбор, а не погрузился бы в болезненное «посттравматическое стрессовое расстройство». Главное - чтобы пострадавший отчетливо понимал, что для него важно в жизни, и осознавал имеющиеся (или создавал новые) возможности для воплощения, реализации этих ценностей и принципов.

Психическая травма и ее последствия

Травмирующее событие, от которого невозможно убежать и на которое невозможно повлиять в тот момент, когда оно происходит, разрывает преемственность жизненной истории человека. Так, как раньше, жить уже невозможно, а как жить дальше - непонятно. Травмирующее событие вынуждает человека совершать поступки или бездействовать таким образом, что это идет вразрез с его жизненными ценностями и принципами. В результате травмирующий опыт оказывается вырван из временного и смыслового контекста жизни человека. Болезненные воспоминания настолько выбиваются из привычного и ожидаемого опыта («никогда не думал, что такое может случиться со мной»), что существуют в памяти как бы отдельно, самостоятельно, а не в системе других воспоминаний. У них словно нет «конца», поэтому они могут вторгаться в сознание с такой интенсивностью, как если бы травмирующее событие происходило в настоящем. После травмирующего события пострадавшие часто ощущают себя потерянными, беспомощными, некомпетентными, одиночными, ими овладевают гнев и страх; портятся отношения с близкими, становится трудно сосредоточиться, нарушается сон, страдает память, нередко возникают сложности с трудоустройством и работой как таковой. Люди зачастую оказываются в изоляции, порожденной как переживанием собственной «неадекватности», того, что «сломали жизнь», так и социальными предрассудками. Близкие пытаются помочь пострадавшему, но когда их попытки не приводят к заметному улучшению, отступаются. Для преодоления психологических последствий травмы может понадобиться помощь профессионала - психотерапевта или психолога.

Нарративный подход в работе с пострадавшими от насилия

Воспоминания о страдании, причиненном травмирующим событием, - только «половина истории». Вторая половина - это воспоминания о том, как человек активно реагировал на происходящее, стремился сохранить достоинство, защитить себя и то, что для него важно в жизни. К сожалению, при традиционных формах организации взаимодействия юриста с пострадавшим «историям выживания» уделяется мало внимания, тем самым укрепляется образ человека как пассивного страдальца, жертвы (что не способствует принятию активной позиции в деле восстановления поправленных и ущемленных прав).

В нарративном подходе разработаны технологии интервьюирования людей, переживших травмирующие ситуации, таким образом, что склады-

Вопросы психосоциальной реабилитации людей, переживших пытки, только начинают прорабатываться в России, поэтому так важны встречи разных специалистов-практиков, обмен опытом достижений и трудностей, поддержка друг друга.

вается «двойное описание» случившегося: признается как страдание человека, так и те усилия, которые он предпринял, чтобы выжить и уменьшить для себя ущерб от перенесенных унижений и насилия. Если не признать страдание человека, не выслушать (внимательно, отзывчиво) историю о том, что он пережил, и какие негативные последствия это вызвало для него, человек будет чувствовать, что его не понимают. Однако говорить только о страдании - до того или вместо того, чтобы создать для пострадавшего «территорию» безопасности и уверенности в себе, - вредно, так как при этом человек заново погружается в страдание и может перестать видеть «выход». Создание «территории» безопасности и уверенности - обязательное условие обсуждения травмирующих переживаний.

Работа в нарративном подходе направлена на то, чтобы противостоять злоупотреблению социальными предписаниями и образцов: психотерапевт понимает, что его работа - это политический акт «на своем квадратном сантиметре», своей позицией он либо поддерживает угнетение, либо способствует освобождению и защите прав.

Работа в нарративном подходе также направлена на то, чтобы создавать контекст для осознания людьми их жизненных ценностей и принципов, что ведет к формированию более активной жизненной позиции. Социальный аспект «психосоциальной реабилитации» в нарративном подходе связан с созданием сообществ поддержки, социально активных и трансформирующих систему моральных предписаний, установлений, знаний и способов действия. Осознание жизненных ценностей и принципов стимулирует поиск единомышленников и создание сообществ, внутри которых создаются и поддерживаются предпочитаемые способы взаимодействия людей друг с другом, с самими собой и с миром.

Необходимость психосоциальной реабилитации пострадавших от произвола. Работа проекта Фонда «Общественный вердикт» в 2007 году

В мае 2007 года Фонд «Общественный вердикт» совместно с региональными партнерами начал реализовывать проект разработки и внедрения программ психосоциальной реабилитации в работу правозащитных организаций с пострадавшими от произвола со стороны правоохранительных органов. Задачами проекта являлись разработка основной методологии программы, исследование контекста работы правозащитных организаций в регионах, подготовка местных психологов и юристов в регионах к сотрудничеству в рамках проекта, организация и проведение индивидуальных психотерапевтических сессий с пострадавшими и консультаций с юристами, отслеживание и рефлексия успешных моментов и сложностей на пути реализации проекта.

В рамках проекта написана серия статей, в которых излагаются основы и приложения данной методологии: применение метафоры нарратива в работе с людьми, т. е. описание переживаний и практик взаимодействия на языке «историй» - доминирующих, маргинализованных, проблемных, предпочитаемых (а также возможности, которые открываются в связи с этим в работе психологов, юристов и специалистов по связям с общественностью); психологическая природа разных форм реагирования на насилие, проявляемых теми, кто является свидетелем подобных ситуаций, а не их непосредственным участником; специфика переживания психической травмы и ее последствий; представление о посттравматическом росте

Нарративный подход к психосоциальной реабилитации

Нарративный подход к психотерапии и работе с сообществами разработан М. Уайтом (1948-2008). В рамках традиционных подходов к работе с людьми, пережившими травму, акцентируются те или иные внутренние присущие им особенности, личностные черты, способствующие более или менее тяжелому переживанию травмы и ее последствий. Однако подобные описания, по мнению М. Уайта и других представителей нарративного подхода, не являются оптимальными для оказания психологической и социальной помощи людям, пережившим травму, т. к. последние в этих описаниях предстают как «пассивные реципиенты» травмы, не способные влиять на то, насколько успешно им удастся справиться с ее последствиями.

Нарративный подход исходит из того, что человек, живя в обществе, подвержен давлению общественных норм и предписаний, он должен в своем поведении соответствовать образцам, приветствуемым обществом. Тем самым, обычаи и негласные договоренности, представления об идеалах, существующие в сообществах, по-разному влияют на людей и на их социальный статус. Но необходимо учитывать, что в разных сообществах в разные исторические периоды «нормой» считаются определенные формы поведения, и со временем они меняются.

У кого-то больше возможностей влиять на свою и чужую жизнь, у кого-то - меньше. Чье-то мнение обладает большим весом, а чье-то практически игнорируется (в этом случае принято говорить о маргинализации). Многие так называемые психологические проблемы порождаются тем, что люди чувствуют себя вынужденными постоянно сравнивать себя со стандартами достижений, поведения и т. п., навязываемыми большинством. Такое сравнение порождает чувство неадекватности, собственной «проблемности».

Психотерапевт может в работе с человеком, сам того не осознавая, воспроизводить те образцы, которые приводят к возникновению проблемы, тем самым, способствуя ее поддержанию. Задача специалиста, работающего в нарративном подходе, - заботиться о том, чтобы своими действиями и словами не поддерживать существование проблемы.

Нарративный подход постулирует, что истории - это основной формат осмысления людьми любых событий и переживаний. «История» (или «нарратив», центральное понятие нарративного подхода) здесь понимается широко - как последовательность событий во времени, объединенная сюжетом и темой. Истории не бывают «истинными» или «ложными», они различаются по степени согласованности и правдоподобия. Наиболее согласованные и правдоподобные (согласно критериям, принятым в определенном сообществе) истории занимают доминирующее положение в сознании человека, а остальные оказываются маргинализованными. Когда доминирует история, закрывающая возможности развития, т. е. история о беспомощности и одиночестве, можно говорить о существовании «проблемы».

и его измерениях, о так называемых «эмпатических стрессовых реакциях», т. е. выгорании и вторичной психической травматизации тех, кто общается с людьми, пережившими насилие; техники проведения интервью, позволяющие избежать повторной травматизации; создание сообществ поддержки; способы говорить с теми, кто потерял близкого человека; письменные формы психосоциальной

реабилитации, в частности, ведение дневника.

В сентябре 2007 года состоялись выездные мероприятия в трех региональных правозащитных организациях-партнерах: Коми правозащитная комиссия «Мемориал» (Сыктывкар), Южно-Сибирский правозащитный центр (Новокузнецк, Кемеровская область), РОО «Человек и закон» (Республика Мари Эл, Йошкар-Ола). В течение двух первых дней каждого из пятидневных мероприятий двое психологов из Москвы проводили интервью с сотрудниками правозащитной организации, а также с некоторыми пострадавшими от произвола. Интервью были направлены на сбор информации о специфике работы данной организации, чтобы психосоциальная реабилитация гармонично встроилась в уже имеющийся «профиль» организации. Акцент ставился на опыте взаимодействия пострадавших с юристами (что именно является наиболее целительным и поддерживающим), а также на оценке необходимости и желательности работы с психологом, ожидания от подобной работы. Третий и четвертый дни были посвящены обучающему семинару по применению нарративного подхода в работе с пострадавшими от насилия, пятый день – совместному собранию правозащитников и психологов, направленному на разработку дальнейших планов действия. На собрании московские психологи представляли результаты проведенного ими исследования.

Сотрудничество с психологами: говорят правозащитники

«Мы с самого начала решили, что подход у нас будет юридически-психологический. Юрист должен быть «маленьким психологом», уметь выслушивать и опрашивать.

Когда ездим по районам, люди часто приходят не за юридической помощью, а за психологической – душу излить, выплакаться.

Иногда неординарные люди приходят...

Порой бывает, что юридически сделать ничего нельзя. Сначала нужно выслушать человека о его беде, тогда он становится более активным, начинает бороться, настроен на результат нашей работы».

«Иногда приходят неадекватные люди – но нельзя же сразу отказывать. Нужно уметь выслушать до конца, понять, выдержать, объяснить, чтобы человек ушел довольный, не обиженный, чтобы жалоб потом не было.

Если человек обижен, неадекватен, и ты понимаешь, что ему больше нужна психологическая помощь – перенаправлять его тут же к психологу неправильно. Раз начал разговаривать, надо самому и продолжать.

Юристу стоит научиться со страдающими людьми по-другому разговаривать, без

формализма. Был бы психолог рядышком – сидел бы, краем уха слушал, а потом дополнил бы разговор».

«Надо делать упор не на жертв, а на тех, кто будет их реабилитировать. Наполнить их действия высоким смыслом поиска справедливости. Надо привлекать людей со стороны для усиления правозащитного движения. Давайте просвещать психологов, транслировать им высокие европейские идеалы.

Многие юристы – очень циничные люди, прагматики, у них нет гуманитарной базы, они не ощущают, что право – это производное ценностей. Им порой не хватает человечности, эмоциональный мир пострадавшего может быть им безразличен. Их интересует «сухой юридический остаток».

Они не понимают, что знание кодексов – не вся суть работы юриста. Проще новых молодых набрать, «неспорченных», 2-3 курс вуза, и обучать их альтернативным моделям правосудия, в частности, восстановительному правосудию. Без засилья традиционных лекционных методов».

«Могло бы быть полезно, если бы при работе с потерпевшим рядом с юристом сидел психолог. Он бы проводил первичную консультацию, помогал отделить психологические проблемы от правовых, а к юристу человек шел бы только по юридическим вопросам. Использовать юриста нужно по назначению.

Иногда с людьми в горе очень трудно общаться, например, если мать потеряла сына, как юристу от нее получить нужную информацию? Важно, чтобы у потерпевших была возможность поговорить с психологом. К правозащитникам обращаются родители страдающих от пыток заключенных в СИЗО, и им, как раз, очень нужна психологическая помощь.

Человеку еще с системой взаимодействовать, а это травмирует, психолог же может помогать, оказывать поддержку, сопровождать ситуацию в дальнейшем».

Необходимость психологической помощи: говорят пострадавшие от произвола

Сами пострадавшие от произвола так отзывались о возможной работе с психологом:

«Я думаю, что психолог нужен. Это сейчас я, вроде, успокоилась, но иногда не справляюсь с чувствами. А позавчера весь день плакала: такая несправедливость, прямо все внутри разрывается. В первую очередь психологическая поддержка нужна, а потом все остальное.

Полгода не спала, жила на таблетках. Вся эта ситуация проворачивалась у меня в голове.

После решения суда на следующий день заболела. Камни пошли в проток, не могла дышать – такая боль».

«Милиция пытается на маму воздействовать.

Звонят ей, угрожают, а у нее давление.

Психолог, ей, наверное, помог бы».

«Наша семилетняя дочь видела, как милиционеры с нами обращались. И теперь она плачет во сне, говорит, что ей всякие

ужасы снятся. Отвели к невропатологу, та прописала успокоительные, велела рисовать.

Дочка все рисует черным, коричневым.

Я сама пока не могу рассказывать, про то, что было – слезы на глаза наворачиваются.

Если бы психолог мог помочь дочке, я бы спокойнее была».

Один из многократно пострадавших (и, возможно, прямо сейчас продолжающих страдать) от произвола правоохранительных органов, выразил свое мнение о необходимости сотрудничества правозащитников с психологами:

«У людей, пострадавших от государства и насилия, часто нет железной воли, они боятся угроз, сдаются, теряются. Психологи могли бы их поддержать, человек не опустил бы руки, почувствовал бы себя сильнее.

Если бы психологи вселяли силу, это было бы очень важно. Активных людей стало бы больше, и зарождающееся гражданское общество могло бы развиваться».

Результаты и перспективы

Начиная с октября 2007 года, в Москве и в региональных организациях-партнерах проводились индивидуальные психотерапевтические сессии с пострадавшими от насилия и жестокого обращения со стороны правоохранительных органов. Вот что пишет один из тех, кто участвовал в программе, оценивая работу психолога:

«Работа с психологом мне помогла, я нашел работу, стало проще жить. Полезным оказалось умение избавляться от страха, от прошлых переживаний, я стал жить в ногу со временем.

С начала работы с психологом произошло много изменений, как в личной жизни, так и, в общем, с окружающими. Я стал более уверенным в себе, знаю, что хочу в будущем. В процессе работы с психологом я вспомнил и укрепился в убеждении, что все в жизни является опытом. И не все люди плохие, есть хорошие, которые желают добра».

В декабре в Москве состоялась отчетная конференция, в которой участвовали представители всех региональных организаций, выступивших в качестве партнеров по данному проекту. Они рассказали о проведенной работе, оригинальных разработках, а также сложностях, возникших при внедрении новой программы. На конференции определены приоритетные направления дальнейшего развития проекта. В частности, в 2008 году акцент будет поставлен на информационно-просветительскую кампанию, связанную с проектом, как в рамках профессиональных сообществ психологов и правозащитников, так и среди более широкого сообщества. Индивидуальная психосоциальная реабилитация пострадавших также будет продолжаться.

Программы реабилитации Комитета против пыток

Незаконное применение насилия, пыток становится причиной разнообразных серьезных травм, от которых страдают жертвы пыток. Чаще всего специалисты фиксируют психологические травмы (посттравматическое стрессовое расстройство и депрессивные состояния), а так же физиологические (ушибы позвоночника и мягких тканей туловища и конечностей, неврологические нарушения, сотрясение мозга). Патология, вызванная пытками, носит специфический характер, требующий особого этического подхода и специальной профессиональной подготовки врачей разных направлений.

Проблема в том, что в России нет независимых медицинских реабилитационных и информационно-методологических учреждений. Кроме того, в большинстве психиатрических больниц у врачей нет опыта постановки диагноза "посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)", хотя его симптомы встречаются практически у каждой жертвы пытки. В Нижнем Новгороде все случаи установления этого диагноза - результат работы специалистов МРОО "Комитет против пыток".

Зачастую врачи государственных учреждений не отражают в медицинской документации всех имеющихся у потерпевшего повреждений, которые могут быть следствием пытки. Это происходит либо в силу отсутствия знаний об особенностях таких повреждений, либо из-за халатности. В результате в дальнейшем невозможно доказать факт применения пытки.

Потерпевший, получив увечья в государственном учреждении, обязанном защищать его права, не получает помощи в другом государственном учреждении, обязанном оказать медицинскую помощь. В результате гражданин страдает от полученных травм, от осознания безнаказанности преступников и отсутствия полноценной медицинской помощи. К сожалению, на сегодняшний день в России отсутствуют независимые медицинские учреждения, никак не связанные с органами, ведущими следствие или поддерживающими обвинение в отношении предполагаемой жертвы пыток. Такие учреждения крайне необходимы, т. к. именно они могли бы проводить эффективное медицинское расследование случаев пыток.

В 2003 году Комитетом против пыток был создан отдел реабилитационных программ для

жертв пыток, который занимается оказанием медицинской помощи. В нем работают высококвалифицированные медицинские работники, которые помогают жертвам пыток справиться с физическими и психическими последствиями травмы. Кроме этого, медики КПП оказывают помощь юристам Комитета, определяя не только диагноз, но и степень вреда здоровью. Последнее может оказать серьезное влияние на размер наказания для тех, кто допустил незаконное насилие. Юристы КПП приобщают заключения медицинских работников к материалам общественного и официального расследований. Эти заключения имеют статус мнения специалистов.

Комитет против пыток разработал реабилитационный маршрут, который проходит каждый заявитель, обратившийся не только за юридической, но и за медицинской помощью. Реабилитационный маршрут содержит алгоритм работы с пострадавшим, в котором перечислены все необходимые этапы для прохождения реабилитации. Начальным пунктом реабилитационного маршрута является первая встреча пострадавшего со специалистом реабилитационного отдела, в ходе которой определяется та программа, которая необходима в каждой конкретной ситуации.

Очень важно, что при такой практике и пострадавшие от пыток получают необходимое квалифицированное лечение, и Комитету, при помощи медицинских документов, полученных в процессе лечения, удастся привлечь к суду тех, кто виновен в причинении вреда здоровью. Последнее играет чрезвычайно важную роль в реабилитации пострадавшего, так как он получает удовлетворение от того, что его права эффективно защищаются.

Ольга Садовская,
заместитель председателя Комитета против пыток
(Нижний Новгород)

ПРАВОВАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ ПЫТОК* В РОССИИ

ТЕМА

Захар Жуланов, юрист, Пермский региональный правозащитный центр (Пермь)

Понятие правовой реабилитации

Под правовой реабилитацией подразумевается комплексное восстановление нарушенных прав гражданина, который стал жертвой грубого правонарушения, совершенного органами власти и (или) их должностными лицами.

Правовая реабилитация осуществляется с помощью правовых средств защиты. В результате приведения их в действие компетентные органы власти выносят решения, обязательные для всех. Эти решения должны быть исполнены. В соответствии с действующим российским законодательством, средства защиты в случае должностных преступлений, приводящих к грубым нарушениям прав граждан, должны быть более эффективными¹.

Правовые средства защиты для восстановления прав личности предполагают, во-первых, восстановление положения, в котором находился человек до нарушения его прав. Если это оказывается невозможным или недостаточным, то тогда ему может быть возмещен (компенсирован) вред (ущерб), причиненный правонарушением. Ущерб может иметь как имущественный, так и неимущественный характер и может возмещаться различными способами.

Во-вторых, необходимым условием для восстановления прав личности является официальное признание (установление) факта правонарушения. Такое признание необходимо также для возмещения в дальнейшем причиненного морального вреда.

В-третьих, виновные должны быть привлечены к установленной законом ответственности и понести наказание. Привлечение виновных к ответственности - это правовое средство восстановления социальной справедливости, исправления виновного лица и предупреждения совершения им новых правонарушений. Кроме того, это один

из способов возмещения потерпевшему морального вреда.

Необходимо также отметить, что в случае должностных преступлений обязанности по восстановлению нарушенных прав пострадавшего должно нести именно государство в лице его компетентных органов, так как правонарушение было совершено государственным должностным лицом как представителем государственной власти. В частности, именно государство должно выступать в суде в качестве ответчика по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного указанным правонарушением, и именно за счет имущества (казны) государства должен возмещаться нанесенный вред.

В российском законодательстве понятие правовой реабилитации применительно к жертвам пыток не употребляется. Это обстоятельство, по нашему мнению, лишнее раз свидетельствует о недостаточном внимании государства к проблемам правовой защиты жертв пыток

Правовая реабилитация жертв пыток

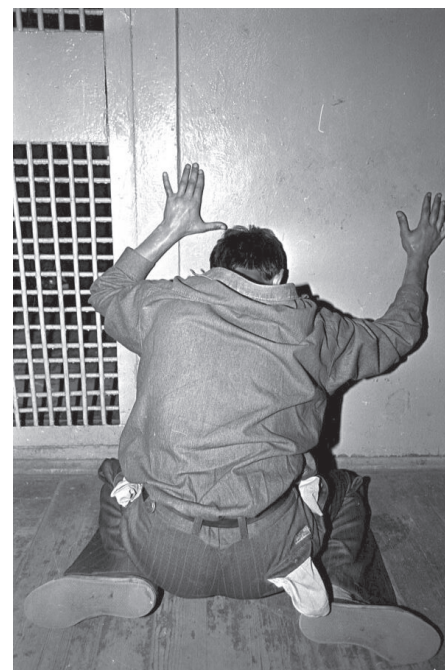
Применяя изложенное выше представление о правовой реабилитации к жертвам пыток, необходимо учитывать специфику пытки как правонарушения.

Пытка обладает высокой общественной опасностью, и поэтому она рассматривается законом как тяжкое преступление². Но необходимо уточнить, что уголовные дела о преступлениях, обладающих признаками пытки (ч.3 ст.286, ст.302 УК РФ), относятся к делам, по которым уголовное преследование осуществляет-

² Ст.4 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее - Конвенция против пыток), обязательна для России как ее участника, требует рассматривать пытки в качестве тяжкого преступления. Согласно ст.15, ч.3 ст.286, ч.2 ст.302 Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) деяния, обладающие признаками пытки, квалифицируются как тяжкие преступления.

* Понятие «пытка» здесь и далее употребляется нами для обозначения не только пытки как таковой, но также и для обозначения других видов жестокого или бесчеловечного обращения, сопряженного с применением физической силы, специальных средств или оружия.

¹ Такое определение понятия правовой реабилитации дано нами на основе норм действующего российского законодательства (см., в частности, п.34 ст.5 и ст.133-139 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»).

ся в публичном порядке, то есть, именно государством в лице уполномоченных должностных лиц - следователя, прокурора (см. ст.ст.20, 21 УПК РФ).

Пытка представляет собой одно из наиболее грубых правонарушений против личности, в результате которого серьезно ущемляется право на уважение человеческого достоинства, под реальной угрозой оказываются здоровье и жизнь личности. Поэтому жертве пытки причиняется, прежде всего, существенный моральный вред в виде различных физических и нравственных страданий. Вместе с тем, в результате пытки может причиняться и имущественный вред.

И, в-третьих, пытка в некоторых случаях влечет за собой необоснованное и (или) незаконное уголовное преследование, которое сопровождается применением различных мер принуждения (задержание, заключение под стражу и др.), в результате чего нарушается комплекс неимущественных и имущественных прав жертвы пытки, причиняется дополнительный моральный и имущественный вред.

Исходя из изложенного выше представления о правовой реабилитации и учитывая специфику пытки как правонарушения, в правовую реабилитацию жертв пыток должны быть включены, по меньшей мере, следующие элементы:

- 1) официальное признание государством факта пытки;
- 2) публичное (государственное) уголовное преследование виновных в пытке

ке лиц, включая привлечение их к уголовной ответственности и наказание;

3) возмещение государством морального и имущественного вреда, непосредственно причиненного пыткой;

4) восстановление государством нарушенных прав жертвы пытки в связи с ее необоснованным и (или) незаконным уголовным преследованием, если такое имело место.

В российском законодательстве понятие правовой реабилитации применительно к жертвам пыток не употребляется. Это обстоятельство, по нашему мнению, лишний раз свидетельствует о недостаточном внимании государства к проблемам правовой защиты жертв пыток, несмотря на то, что пытки - одно из наиболее грубых и бесчеловечных видов произвола власти и посягательства на права и свободы личности, - по-прежнему, довольно распространены в России. Тем не менее, имеющиеся национальные средства правовой защиты во многих случаях позволяют добиваться восстановления нарушенных прав пострадавшего от пытки.

Национальные средства правовой защиты

В целях правовой реабилитации жертвы пытки в России могут применяться уголовно-правовые и гражданско-правовые средства защиты. Из них, в первую очередь, подлежат применению уголовно-правовые средства защиты, т.к. они, и по закону, и на практике, являются наиболее эффективными и в принципе позволяют решать весь спектр задач.

Имеющиеся национальные средства правовой защиты во многих случаях позволяют добиваться восстановления нарушенных прав пострадавшего от пытки

Гражданско-правовые средства защиты на практике имеют лишь вспомогательное значение, которое сводится к решению задач по возмещению имущественного и морального вреда, причиненного пыткой и ее последствиями в виде необоснованного и (или) незаконного уголовного преследования, если эти задачи по каким-то причинам не были решены с помощью уголовно-правовых средств защиты, несмотря на официальное признание факта пытки. Такая приоритетность уголовно-правовых средств защиты перед гражданско-правовыми определяется нормами как российско-

го (см., например, п.1 ч.1 ст.134, ст.215, ст.220, ч.4 ст.61 ГПК РФ, ч.4 ст.213 УПК РФ), так и международного права (см., например, ст.ст.12-14 Конвенции против пыток).

Теоретически, следуя букве российского закона (см., например, ч.4 ст.213 УПК РФ, ст.1067 ГК РФ), гражданско-правовые средства защиты также могут применяться в целях установления факта пытки, если он не был установлен с помощью уголовно-правовых средств. Однако на практике такая возможность относится лишь к крайне ограниченному числу случаев. В то же время, в случае использования гражданско-правовых средств защиты бремя доказывания факта пытки возлагается в полном объеме на истца, то есть на жертву пытки, для которой это - заведомо непосильная задача. Ситуация могла бы быть исправлена путем применения российскими судами соответствующих норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании Европейского суда по правам человека^{**}. Однако российские суды, по-прежнему, сопротивляются такому подходу, несмотря на декларируемую готовность к его применению^{***}. Это еще раз подчеркивает, что современные национальные гражданско-правовые средства защиты для решения задачи официального признания факта пытки сами по себе практически неэффективны.

Уголовно-правовые средства защиты

Уголовно-правовые средства защиты определяются УПК РФ и включают в себя следующие основные элементы:

1) прием органом дознания, органом следствия, дознавателем, следователем, прокурором любого сообщения о преступлении (пытке) и проведение быстрого (в срок до 10 суток) и тщательного рассмотрения (проверки) этого сообщения о преступлении, включая принятие мер по сохранению следов преступления (см. ч.ч.1-3 ст.144 УПК РФ, ч.3 ст.145, ч.2 ст.21, ч.4 ст.7 УПК РФ);

^{**} «Суд неоднократно отмечал, что власти обязаны защищать физическую целостность человека, находящегося в заключении. В случаях, когда человек был взят под стражу в добром здравии, а на момент освобождения имеет какие-либо повреждения, на государство возлагается обязанность предоставить правдоподобные объяснения о причинах этих повреждений (...). В противном случае, пытка или ненадлежащее обращение могут быть презюмированы в пользу заявителя...» (пар.127 Решения Европейского Суда по правам человека по делу Михеев против России от 26.01.2006 г.).

^{***} См., например, п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» от 19.12.2003 г. №23: «...Суду также следует учитывать... в) постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле».

2) возбуждение уголовного дела органом дознания или следователем в случае, если в ходе рассмотрения сообщения о преступлении будут получены достаточные данные, указывающие на признаки преступления (см. ст.140, ч.1 ст.146 УПК РФ);

3) проведение следователем³ быстрого (общее правило - 2 месяца) и тщательного предварительного следствия в целях установления события преступления, причастных к нему лиц и их виновности, а также в целях предъявления официального обвинения в совершении преступления, если для этого будут собраны достаточные доказательства (ч.2 ст.21, ст.156, ст.157, ст.162, ст.73, ст.ст.85-87, ч.1 ст.171, ч.1 ст.215 УПК РФ);

4) установление лиц, пострадавших от преступления (пытки), признание за ними статуса потерпевших и обеспечение возмещения им имущественного и морального вреда⁴, причиненного преступлением, а также расходов, связанных с участием в уголовном деле (ч.3 и ч.4 ст.42, ч.1 и ч.2 ст.44 УПК РФ);

5) проведение по уголовному делу состязательного судебного разбирательства, по итогам которого судом должны быть окончательно решены вопросы о доказанности преступления, причастности к его совершению конкретных лиц и их виновности. В случае признания судом указанных обстоятельств доказанными, также подлежат решению вопросы о наказании виновных лиц и о возмещении потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Потерпевший имеет право участвовать в разбирательстве по делу на всех его этапах, для чего потерпевший наделяется соответствующими процессуальными правами и обязанностями (см., в частности, ст.ст. 22, 42, 119, 123 УПК РФ). Свои процессуальные права потерпевший вправе осуществлять лично и (или) через выбранного им представителя (ст.45 УПК РФ).

Для того чтобы привести в действие данные средства правовой защиты необходимо, прежде всего, подать заявление о преступлении (пытке) в территориальный (районный или городской) следственный отдел Следственного комитета при прокуратуре РФ (СК РФ).

³ Согласно п.1 ч.2 ст.151 УПК РФ производство предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, обладающих признаками пытки (ч.3 ст.286, ст.302 УК РФ), относится к компетенции (подследственности) следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ (далее - следователей)

⁴ В целях возмещения причиненного преступлением имущественного и морального вреда в денежном выражении потерпевший вправе предъявить в рамках разбирательства по уголовному делу гражданский иск. Такой иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде 1-й инстанции (ч.2 ст.44 УПК РФ) и подлежит разрешению в приговоре суда (п.1 ч.1 ст.309 УПК РФ). Более подробно о характере подлежащего возмещению вреда изложено ниже в связи с гражданско-правовыми средствами защиты.

При невозможности обратиться в следственный отдел СК РФ, заявление может быть подано в дежурную часть органа внутренних дел или другого правоохранительного органа (ФСБ, МЧС и др.). В этом случае заявление вскоре должно быть передано по подследственности. При этом должны быть приняты неотложные меры по сохранению следов преступления. Но сроки проверки увеличатся на время, необходимое для передачи сообщения о преступлении по подследственности. Заявление о преступлении (пытке) может быть подписано и подано не только самим потерпевшим, но и любым другим лицом.

Рассматриваемые средства правовой защиты, эффективны в теории, но, к сожалению, далеко не всегда оказываются таковыми на практике.

В частности, это объясняется недостаточным уровнем профессионального мастерства некоторых следователей. Но главной причиной, по крайней мере, если говорить о пытках, допускаемых сотрудниками милиции, является то, что следователи, как правило, находятся в зависимости от тех должностных лиц, в отношении которых им приходится рассматривать сообщения о пытках и расследовать соответствующие уголовные дела. Эта зависимость возникает из-за того, что в повседневной профессиональной деятельности следователи вынуждены постоянно взаимодействовать с сотрудниками милиции, прибегать к их помощи. На практике это приводит к тому, что следователям сложно сохранять беспристрастность в ходе проверок и расследований по сообщениям о пытках со стороны сотрудников милиции.

В результате проверки и расследования по сообщениям о пытках, совершенных сотрудниками милиции, нередко отличаются несвоевременностью и неполнотой осуществляемых мероприятий, необъективностью оценки доказательств, и в итоге, - необоснованностью принимаемых решений.

Часто проверки и расследования сопровождаются нарушениями прав потерпевшего на своевременное получение полной информации о ходе разбирательства и принятом решении.

Противодействовать неэффективному разбирательству по заявлению о пытке или по уже возбужденному уголовному делу необходимо, в первую очередь, опять же с помощью существующих правовых средств защиты, к которым, прежде всего, относятся процедуры обжалования действий, бездействия и решений должностных лиц, осуществляющих указанное разбирательство (см. ст.123-127 УПК РФ).

Для решения задачи по восстановлению нарушенных прав и ущемленного правового положения жертвы пытки в связи с необоснованным и (или) незаконным уголовным преследованием

уголовно-правовые средства защиты предусматривают следующее:

1) признание за лицом права на реабилитацию и разъяснение порядка возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием, в случае, если в отношении этого лица уголовное преследование прекращено либо вынесен оправдательный приговор за отсутствием события или состава преступления, а также за непричастностью к преступлению (см. ст.134, ч.2 ст.133 УПК РФ);

2) возмещение реабилитированному имущественного вреда в виде: (а) заработной платы, пенсии, пособий, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, (б) его имущества, конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда, (в) сумм штрафов и процессуальных издержек, (г) сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, (д) иных расходов (см.ст.135 УПК РФ);

3) восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав (см. ст.138 УПК РФ);

4) возмещение морального вреда путем: (а) официального извинения прокурора от имени государства, (б) сообщения в средствах массовой информации (СМИ) о реабилитации лица, если ранее эти СМИ распространяли сведения о его уголовном преследовании, (в) официального письменного сообщения о реабилитации гражданина по месту его работы, учебы и жительства (см. ст.136 УПК РФ)⁵.

Указанные выше меры по признанию права на реабилитацию и разъяснению порядка возмещения вреда должны приниматься по собственной инициативе судом, следователем или дознавателем, которыми принято решение об оправдании подсудимого или о прекращении уголовного преследования. Официальное извинение реабилитированному должно быть принесено прокурором также по собственной инициативе.

Самостоятельная защита нарушенных прав жертвой пытки может оказаться довольно затруднительной уже в силу того, что жертва пытки изначально находится в уязвимом психологическом и (или) физическом состоянии

По требованию реабилитированного, орган, который вынес решение о прекращении уголовного преследования, в течение месяца должен определить с учетом инфляции размер возмещения и вынести по этому поводу постановление. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении требования о возмещении имущественного вреда, реабилитированный вправе обжаловать постановление следователя или дознавателя в порядке, установленном ст. ст. 123-125 УПК РФ, а постановление судьи - в кассационном порядке, установленном гл. гл. 43, 45 УПК РФ.

Меры по восстановлению трудовых, жилищных и иных прав принимаются судом по ходатайству реабилитированного, с которым необходимо обращаться в суд по месту, где осуществлялось уголовное преследование. Если реабилитированный не согласен с судебным решением, то он вправе обратиться с теми же требованиями в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Меры по сообщению о реабилитации гражданина в СМИ, а также по месту жительства, работы или учебы должны приниматься по требованию реабилитированного, а в случае его смерти - по требованию его родственников.

Рассматриваемые средства правовой защиты по идее должны способствовать наиболее эффективному восстановлению нарушенных прав реабилитированного лица. Однако благая идея, как показывает практика, не нашла адекватного законодательного воплощения.

Во-первых, закон (УПК РФ) устанавливает, что вопросы о денежном возмещении реабилитированному лицу имущественного и морального вреда должны разрешаться в рамках процедур, осуществляемых различными органами и по различным правилам. Во всяком случае именно так зачастую на практике толкуют закон суды, лишая реабилитированных возможности одновременного рассмотрения и решения вопросов о возмещении имущественного и морального вреда в рамках одной процедуры, осуществляемой одним и тем же органом. Такое законодательное регулирование вопросов правовой реабилитации в сочетании с указанной правоприменительной практикой неправомерно и не должно иметь места, поскольку оно совершенно неоправданно затягивает и осложняет процесс восстановления нарушенных прав, противореча целям института правовой реабилитации.

Во-вторых, решение вопроса о возмещении реабилитированному лицу имущественного вреда в том случае, когда уголовное преследование было прекращено на стадии предварительного расследования, должно по закону (УПК РФ) осуществляться дознавателем или следователем путем вынесения постановления о производстве выплат. Но механизм исполнения таких постановлений законом не уста-

⁵ В денежном выражении моральный вред, причиненный уголовным преследованием, подлежит возмещению в порядке гражданского судопроизводства (см. ч.2 ст.136 УПК РФ), то есть с помощью гражданско-правовых средств защиты.

новлен (для судебных постановлений эта проблема не характерна). В результате это постановление оказывается просто неисполнимым, а возмещение имущественного вреда - нереальным (фиктивным). Как быть в такой ситуации реабилитированному, компетентные органы и должностные лица, как правило, не разъясняют.

По нашему мнению, наиболее правильным способом преодоления на практике этих затруднений является использование гражданско-правовых средств защиты. Для этого реабилитированному следует обращаться в районный (городской) суд с иском о возмещении в денежном выражении как имущественного, так и морального вреда. Возможность такого обращения в суд прямо предусмотрена нормами ст.ст.3, 4, ч.6 ст.29, а также подтверждается положениями п.1 ч.1 ст.134, ст. 220 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК РФ). Если же добиться решения вопроса о денежном возмещении имущественного вреда не удалось из-за отказа суда принять иск к производству, придется вернуться к уголовно-правовым средствам защиты, приведенным выше. При этом независимо от того, было ли прекращено уголовное преследование на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства, с требованиями о возмещении имущественного вреда необходимо обращаться в суд.

Случается, что компетентные органы и должностные лица прямо нарушают требования закона (УПК РФ) о реабилитации лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование. Чаще всего эти нарушения выражаются в том, что за гражданином не признается право на реабилитацию, ему не разъясняется порядок возмещения вреда, прокурор отказывается принести официальное извинение. Такие правонарушения могут быть обжалованы в установленном УПК РФ порядке, а если они причинили какой-либо вред, то этот вред может быть возмещен в исковом порядке, установленном ГПК РФ.

Гражданско-правовые средства защиты

Сегодня в России гражданско-правовые средства защиты не эффективны в целях установления (признания) факта пытки. И они в принципе не применимы к решению задачи по привлечению к уголовной ответственности и наказанию виновных в преступлении (пытке) лиц.

Гражданско-правовые средства защиты эффективны при возмещении имущественного и морального вреда, причиненного пыткой, в тех случаях, когда эти задачи не были решены с помощью уголовно-правовых средств защиты, хотя факт пытки и был установлен.

В таком качестве гражданско-правовые средства защиты включают в себя:

1) обращение в районный (городской) суд с исковым заявлением о возмещении имущественного и (или) морального вреда, составленным в соответствии с требованиями ст.ст.131 и 132 ГПК РФ;

2) принятие судом искового заявления к производству (возбуждение гражданского дела);

3) рассмотрение судом гражданского дела по существу и вынесение решения о полном или частичном удовлетворении или об отказе в удовлетворении исковых требований;

4) исполнение вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения.

При обращении с иском в суд в указанном выше порядке гражданин вправе требовать полного возмещения вреда, причиненного пыткой (см., например, п.1 ст.15, п.1 ст.1064 Гражданского кодекса РФ).

В частности, если гражданину в результате пытки было причинено увечье или другой вред здоровью, то он вправе требовать возмещения имущественного вреда в виде: (а) утраченного заработка (дохода), (б) дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе расходов на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что он нуждается в указанных видах помощи и не имеет права на их бесплатное получение. Основания такого возмещения, порядок определения его размера и выплаты в основном определяется ст.ст.1064, 1069, 1082, 1085-1087, 1090-1092 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ).

Если в результате пытки человек умер, то подлежит возмещению имущественный вред (ущерб) лицам, состоявшим на иждивении этого гражданина, а также лицам, понесшим расходы на его погребение (основания, порядок определения размера возмещения и его выплаты определяются в основном ст.ст.1064, 1069, 1088, 1089, 1086, 1091, 1092, 1094 ГК РФ).

Также подлежит возмещению в денежном выражении причиненный в результате пытки моральный вред, который включает в себя физические и нравственные страдания (см. ст.151 ГК РФ). При этом под физическими страданиями следует понимать негативные физические реакции и состояния организма человека: физическая боль, головокружение, тошнота, потеря ориентации, потеря сознания, удушье, жжение, зуд, слабость

и т.п. А под нравственными страданиями - негативные эмоциональные переживания (чувства) и состояния: страх, обида, унижение, возмущение, беспокойство, стресс, депрессия и т.д. Основания для возмещения морального вреда, порядок определения его размера регламентируются, главным образом, ст.ст.150, 151, 1064, 1069, 1099-1101 ГК РФ.

Для того чтобы суд мог удовлетворить заявленные требования, истец должен представить суду доказательства факта самого правонарушения (пытки), факта причинения этим правонарушением соответствующего вреда, а также характера и размера указанного вреда.

Главным доказательством будет являться обвинительный приговор суда⁶ либо иное процессуальное решение, принятое в рамках производства по уголовному делу, которым устанавливается факт пытки, а также полностью или частично причиненный пыткой вред). В дополнение к этому истцу по возможности необходимо представить и другие доказательства о характере и размере вреда, причиненного ему пыткой - собственные подробные объяснения, свидетельские показания, соответствующие документы.

Для исполнения вступивших в законную силу судебных решений о взыскании с государства возмещения вреда необходимо направить в Министерство финансов РФ заявление об исполнении судебного решения с указанием в нем реквизитов банковского счета для перечисления средств. К этому заявлению должны быть приложены выданные судом исполнительный лист и заверенная копия самого судебного решения. Судебное решение должно быть исполнено в течение трех месяцев со дня поступления указанных выше документов в Министерство финансов РФ (ст.ст.242_1, 242_2 Бюджетного кодекса РФ).

⁶ Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях от действий лица, в отношении которого вынесен приговор уголовного суда. Т.е. вопрос, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом, гражданским судом не рассматривается (ч.4 ст.61 ГПК РФ).

Вопрос надлежащего ответчика

Уже на стадии оформления и подачи искового заявления в суд возникает важный вопрос о надлежащем ответчике по делу, влияющий затем на размер возмещения и порядок исполнения судебного решения. На практике бывают случаи, когда суд по настоянию истца или по собственной инициативе привлекает в качестве ответчика лицо, совершившее преступление. Такое решение вопроса о надлежащем ответчике нельзя признать правильным по следующим причинам. Во-первых, в силу прямого указания Конституции РФ и российского законодательства, ответчиком по делу о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями должностного лица федерального органа государственной власти, является государство - Российская Федерация. А представителем ответчика в ходе судебного разбирательства должен выступать соответствующий федеральный орган государственной власти, как главный распорядитель бюджетных средств, к ведомству которого относится причинитель вреда (см. ст.ст.52, 53 Конституции РФ, ст.124, ст.1071, п.3 ст.125 ГК РФ, п.3 ст.158 Бюджетного кодекса РФ). Так, например, по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного преступлением (пыткой), совершенным сотрудником милиции, ответчиком должна выступать Российская Федерация, а его представителем - МВД России. Во-вторых, очевидно, что, определяя размер возмещения вреда, суд всегда учитывает такое обстоятельство, как имущественное положение лица, с которого взыскивается возмещение. И поэтому возмещение, подлежащее взысканию с физического лица, как правило, определяется судом в меньшем размере, чем возмещение с государства. В-третьих, само исполнение судебного решения о взыскании вреда с физического лица может оказаться более затруднительным и длительным, чем взыскание с государства. При таких обстоятельствах истцам по делам о возмещении вреда, причиненного пыткой, необходимо привлекать к участию в деле в качестве ответчика Российскую Федерацию, а в качестве представителя ответчика - соответствующий федеральный орган государственной власти. Далее необходимо настаивать на том, чтобы возмещение вреда взыскивалось именно с государства за счет его казны, а не с непосредственного причинителя вреда. Это напрямую относится и к возмещению вреда, непосредствен-

но причиненного пыткой, с помощью уголовно-правовых средств защиты.

Иногда на практике могут возникнуть сложности с решением вопроса о том, в какой конкретно суд следует подавать иск. Связано это с тем, что местные (районные, городские) суды, порой, возвращают исковое заявление, ссылаясь на неподсудность дела данному суду. При этом суды предлагают обращаться в соответствии со ст.28 ГПК РФ в суд по месту нахождения ответчика, то есть в соответствующий суд г. Москвы. Такие определения следует обжаловать в порядке, установленном ст.ст.371-375 ГПК РФ. Однако, несмотря на то, что такое обжалование, как правило, завершается успешно, все же оно ведет к затягиванию разбирательства по делу. Поэтому в исковом заявлении в качестве одного из ответчиков можно указать, например, орган государственной власти, в котором служил непосредственный причинитель вреда. В этом случае районному или городскому суду по месту нахождения указанного органа власти вернуть исковое заявление за неподсудностью будет практически невозможно в силу совершенно недвусмысленных требований ч.10 ст.29 ГПК РФ⁷. В то же время, если в результате пытки помимо прочего был причинен вред здоровью и в исковом заявлении содержатся требования, в частности, о возмещении такого вреда, то истец вправе самостоятельно определить подсудность дела, направив исковое заявление либо в суд по месту своего жительства, либо в суд по месту причинения вреда (п.5 ст.29 ГПК РФ).

До настоящего времени остается актуальной проблема адекватного (справедливого) определения судами размера возмещения морального вреда, причиненного пыткой. Наиболее отчетливо эта проблема выявляется при сопоставлении определяемых судами размеров возмещения жертвам пыток, с одной стороны, и пострадавшим от иных, менее значительных правонарушений - с другой. Отсутствует и какое-либо единство в судебной практике при решении данного вопроса. Поэтому размеры возмещения в подобных случаях, но определяемые различными судами, могут существенно (в разы) отличаться. Представляется, что одним из способов преодоления этой проблемы может стать ориентация на практику Европейского Суда по правам человека и, прежде всего, по делам в отношении Российской Федерации.

⁷ Согласно ч.10 ст.29 ГПК РФ выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу.

Как уже отмечалось, национальные средства правовой защиты не всегда эффективны в целях реабилитации жертв пыток. В таких случаях жертвы пыток вправе прибегать к международно-правовым (межгосударственным) средствам защиты. Это право гарантируется каждому ч.3 ст.46 Конституции РФ.

Наиболее эффективным из существующих международно-правовых средств защиты является обращение с жалобой на нарушение государством прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод⁸, в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд). Эффективность этого средства правовой защиты определяется, в частности, более доступными (адекватными) для жертв пыток стандартами доказывания фактов правонарушений и причиненного ими вреда, более адекватными размерами присуждаемого Европейским Судом сумм компенсаций (возмещения вреда), чем это обеспечивается национальными средствами правовой защиты, а также тем, что решения Европейского Суда имеют обязательный характер и исполняются государствами-ответчиками.

Самостоятельная защита нарушенных прав жертвой пытки может оказаться довольно затруднительной уже в силу того, что жертва пытки изначально находится в уязвимом психологическом и (или) физическом состоянии. Кроме того, приведение в действие соответствующих средств правовой защиты может оказаться проблематичным для жертвы пытки и по ряду других причин: затрудненность контактов с внешним миром, если жертва пытки находится в заключении; отсутствие необходимых юридических знаний и практических навыков и др. При таких обстоятельствах важное значение имеет своевременное оказание жертве пытки грамотной юридической помощи. При этом обращение к помощи адвоката может быть затруднено как по некоторым из уже указанных выше причин, так и по причине материальных ограничений, так как адвокатская помощь является платной. Частично эта проблема на сегодняшний день решается действующими во многих регионах России правозащитными организациями, которые имеют в своем штате квалифицированных юристов, специализирующихся на вопросах реабилитации жертв пыток.

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод гарантирует каждому право не подвергаться пыткам, право на эффективное официальное расследование по обоснованному заявлению о пытке и право на справедливое возмещение вреда, причиненного пыткой (ст.3 и ст.13).

Ущербность моральная и материальная

Артем Костюковский, корреспондент газеты «Деловой Петербург» (Санкт-Петербург), специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт».

Можно ли оценить в деньгах искалеченное здоровье, поруганное достоинство, наконец, человеческую жизнь? С одной стороны, никакие несчастья не поддаются пересчету на рубли или доллары. С другой - тем, кто потерял трудоспособность, кому необходимы лекарства или дорогостоящее лечение, кто лишился кормильца, крайне необходима финансовая поддержка. Само слово «компенсация» говорит о том, что речь идет не о восполнении навсегда утраченного, а лишь о компенсировании, частичном покрытии материального и морального ущерба.

Преступления и безнаказанность

О том, во сколько оценивается этот ущерб в России, всем прекрасно известно. Суммы компенсаций, назначаемых отечественными судами, не просто малы - смешотворны. Особенно если их сравнить с теми выплатами, которые получают пострадавшие в странах Европы и США. Причины не меняющейся десятилетиями ситуации лежат на поверхности. Самая главная их них - традиционное отношение государства к человеку, к его жизни, здоровью и проблемам. Если же от глобальных причин перейти к более конкретным, неизбежно прорисовывается еще один вопрос. Судьи зачастую просто-напросто боятся создавать прецеденты, опасаясь того, что вслед за одним человеком, получившим адекватное вспомоществование, за правосудием в суды ринутся тысячи других.

Впрочем, добиться выплаты хотя бы какой-нибудь компенсации - уже достижение. И особенно трудно это сделать, если человек стал жертвой не кого-нибудь, а государства: в лице чиновничества, армии. Или сотрудников правоохранительных органов.

Если набрать в поисковой строке «Яндекса» слово «милиционеры», в первой же десятке найденных записей вы обнаружите документы следующего содержания: «Пьяный милиционер разгромил машину прокурора и обстрелял здание администрации», «Шестеро милиционеров наказаны по «делу Пуманэ», «На борту самолета, летевшего из Москвы в Барнаул, подрались милиционеры», «Коррупция в рядах милиции», «Студент Дмитрий Носков, которого пытали в ОВД «Царицыно», подал на милиционеров иск о компенсации морального вреда на сумму в 120 тысяч рублей»¹...

¹ Дело Дмитрия Носкова находится в производстве Фонда «Общественный вердикт». Дело завершено. Подробнее с делом можно ознакомиться по адресу: <http://www.publicverdict.org/ru/cases/noskov.html>

О страшных преступлениях, совершаемых людьми в милицеских погонах, говорят и пишут давно. А также о том, почему эти преступления год от года не прекращаются, не сходят на нет. Старый жегловский принцип «наказания без вины не бывает» как нельзя лучше иллюстрирует нынешнюю позицию властей по отношению к проблеме преступлений, совершаемых милиционерами в отношении задержанных. Давняя, закоренелая безнаказанность сотрудников правоохранительных органов связана, прежде всего, с равнодушием государства (на этот раз - уже в лице надзорных ведомств и судов), предпочитающего особо не вмешиваться в подобные инциденты.

Не принял заявление - способствовал преступлению. На фото: Мать Марины Топчий, о деле подробно на стр. 32. Фото: Александр Купревич.

150 тысяч за убийство

Обязанность расплачиваться за должностные проступки «государевых людей» лежит на самом государстве. Согласно постановлению президиума Верховного суда РФ от 1 августа 2007 года, в случае удовлетворения иска о возмещении вреда, причиненного государственными органами либо должностными лицами этих органов, взыскание должно производиться с Министерства финансов РФ за счет государственной казны. Однако практика показывает, что Минфин весьма неохотно расстается с деньгами, предназначенными в качестве выплаты компенсаций жертвам милицеского произвола.

В конце прошлого года Йошкар-Олинский городской суд вынес решение о взыскании с Министерства финансов РФ компенсации морального вреда в размере 15 тысяч рублей в пользу Андрея Аплекаева, который вместе со своим приятелем был жестоко избит милиционером. Инцидент произошел в декабре 2004 года. Оперуполномоченный Пчельников, приехав вечером на одну из дискотек города, предложил двум подросткам, Андрею Аплекаеву и Денису Даровских², «выйти и поговорить». Те ответили отказом. Тогда страж порядка вызвал дежурный наряд милиции и силой вывел ребят из помещения. Во время обыска на улице Пчельников он начал избивать подростков, нанося удары руками и ногами. Затем молодых людей доставили в Центральный отдел милиции Йошкар-Олы, где избивание продолжилось.

Наутро ребята обратились к медикам, которые зафиксировали у них ряд

² Дело Андрея Аплекаева и Дениса Даровских находится в производстве Фонда «Общественный вердикт» и общественной организации «Человек и Закон» (Республика Марий Эл). Дело завершено. Подробнее с делом можно ознакомиться по адресу: http://www.publicverdict.org/ru/cases/aplekaev_darovskiy.html

травм и ушибов. Андрей и Денис немедленно написали в прокуратуру заявление о возбуждении уголовного дела. Но дело было возбуждено лишь спустя год и только благодаря помощи местных правозащитников. Еще через полтора года, в июле 2007-го, наконец, вынесли приговор. Пчельников был признан виновным в превышении должностных полномочий (с применением насилия и использованием спецсредств) и получил три с половиной года колонии общего режима. И, наконец, еще через четыре месяца Йошкар-Олинский городской суд удовлетворил иски: Аплекаев получил компенсацию в размере 15 тысяч рублей, Даровских - 9 тысяч рублей.

Интересно, что Минфин РФ обжаловал вердикт горсуда. Видимо, его представители посчитали, что эти суммы слишком велики для избитых оперуполномоченным подростков. Однако Верховный суд республики Марий Эл, рассмотрев кассационную жалобу, оставил первоначальное решение в силе.

Преступление в отношении жителя Казани Ильмира Хайдарова³ окончилось куда более трагически. 27 июня 2005 года двое милиционеров остановили на улице 30-летнего мужчину, когда тот возвращался с работы домой. Хайдарова доставили в отдел милиции «Актюбинский», где начали избивать резиновыми дубинками. После того, как жертва перестала подавать признаки жизни, сотрудники милиции вызвали «скорую помощь», но медикам лишь оставалось констатировать смерть в результате черепно-мозговой травмы. В 2006 году оба милиционера были признаны виновными в превышении должностных полномочий и приговорены к трем и девяти годам лишения свободы. После того, как приговор вступил в законную силу, мать убитого, Галия Лугуманова, обратилась в суд Казани с иском о компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями правоохранительных органов. Ответчиком по делу опять же выступило Министерство финансов РФ. Нравственные страдания, связанные с потерей сына, женщина оценила в 1,5 миллиона рублей. Изучив материалы дела, суд признал иск обоснованным, однако удовлетворил его лишь частично. В пользу матери убитого взыскали лишь 150 тысяч рублей. Но даже несмотря на десятикратное уменьшение, Минфин как мог препятствовал выплате компенсации, безуспешно пытаясь обжаловать решение суда.

³ Дело Ильмира Хайдарова находится в производстве Фонда «Общественный вердикт» и Казанского правозащитного центра (Республика Татарстан).

В поисках соответчика

Еще одна знаковая история, касающаяся выплаты компенсации жертве «родной» милиции, закончилась совсем недавно, в январе этого года. А началась 27 ноября 2004-го, в Новокузнецке. В тот день сотрудники милиции задержали несовершеннолетнюю Оксану Осадчую⁴ и собрались отвезти ее в медвытрезвитель. Подруги Оксаны объясняли сотрудникам милиции, что она несовершеннолетняя, обещали, что сами отвезут ее домой (тем более, дом был совсем рядом). Однако сержант Василий Тур мало того, что не отреагировал на просьбу, еще и сильно ударил Осадчую, после чего все-таки отвез ее в медвытрезвитель. Там девушке вызвали «скорую». Врачи обнаружили у Оксаны серьезные повреждения коленного сустава, квалифицирующиеся как вред здоровью средней тяжести. В течение двух лет уголовное дело неоднократно незаконно прекращалось сотрудниками районной прокуратуры Новокузнецка. Тогда Осадчая обратилась за помощью к юристам Южно-Сибирского правозащитного центра, которые при поддержке Фонда «Общественный вердикт» провели общественное расследование данного дела, а затем представляли интересы потерпевшей в суде.

26 декабря 2006 года Тур был признан виновным в превышении должностных полномочий и приговорен к 2,5 годам лишения свободы условно. Спустя год Орджоникидзевский районный суд Новокузнецка обязал Министерство финансов выплатить Оксане Осадчей 50 тысяч рублей. И снова Минфин сделал все возможное, чтобы не выплачивать компенсацию. Правда, на этот раз тактика была иной: представители министерства ходатайствовали о привлечении в качестве соответчика МВД. Впрочем, суд не внял этим доводам и повторно обязал Минфин расплатиться за преступления милиционера.

«Нередко ведомства перекладывают ответственность друг на друга, отменяют и переносят слушания, затягивают судебные процессы, - прокомментировала судебное решение специалист Южно-Сибирского правозащитного центра Ольга Койнова. - В некоторых регионах, например в ЦФО, представители Минфина прямо говорят, что они «устали расплачиваться за преступления сотрудников МВД». Вероятно, поэтому каждый положительный результат по иску о моральном вреде в нашей стране становится прецедентным.

⁴ Дело Оксаны Осадчей находится в производстве Фонда «Общественный вердикт» и Южно-Сибирского правозащитного центра (Кемеровская область). Дело завершено. Подробнее о деле можно ознакомиться по адресу: <http://www.publicverdict.org/ru/cases/osadchaya.html>

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

Главная проблема, связанная с компенсациями по делам, где речь идет о превышении полномочий сотрудниками правоохранительных органов, связана, конечно, с размером выплат. Суммы компенсаций, мягко говоря, не соответствуют причиненному ущербу. Прецеденты судьи не спешат создавать. Однако, справедливости ради надо отметить, что некоторые все-таки пытаются что-то сделать, постепенно увеличивая размер компенсаций. Есть надежда, что судебная практика постепенно пойдет в этом направлении. Но пока все равно есть определенный максимум, выше которого суд взыскать не может. Кроме того, еще с советских времен существовал указ, в котором говорилось о взыскании материального вреда, но ничего не было сказано о таком понятии, как «упущенная выгода».

Сегодня этот указ по нашей жалобе в этой части был обжалован, и по идее люди могут взыскать упущенную выгоду. Но, как я уже сказала, суммы морального вреда столь незначительны, что ни о каком серьезном вспомоществовании говорить не приходится.

Однако помимо несоответствия сумм компенсаций, есть еще одна беда - нарушение сроков выплат. Были случаи, когда люди получали компенсации спустя два года после решения суда и только потому, что они обращались в Европейский суд по правам человека. А попытки представителей Министерства финансов привлечь в качестве соответчика МВД выглядят смешными. По закону за неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов компенсации выплачивает казначейство, то есть, Минфин. Правоохранительные структуры если и могут быть привлечены, то только в качестве третьих лиц. Стремление Минфина уберечь казну понятно, но закон есть закон.

Людмила Айвар, адвокат, заместитель председателя президиума коллегии адвокатов «Трунов, Айвар и партнеры» (Москва)

В поисках социологии утраченного доверия

Асмик Новикова, социолог, Фонд «Общественный вердикт» (Москва)

В конце прошлого года Фонд «Общественный вердикт» (ФОВ) и Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) разработали и провели социологическое исследование, посвященное реформе милиции. Насколько общество готово к реформированию, почему поддерживает эту идею и что ожидает в результате получить от ее возможной реализации – вопросы, которые волновали разработчиков исследования. За основу была принята идея о том, что изучать общественное мнение по поводу милиции имеет смысл, если спрашивать не только о милиции вообще, а преимущественно о той милиции, с представителями которой вероятнее всего сталкиваются граждане, т. е. о районных отделах. Резон в таком подходе следующий: он позволял рассчитывать на оценки, более обеспеченные социальным опытом респондентов, чем это могло бы быть в случае стандартного опроса.

Решение посвятить опрос реформе милиции напрашивалось само по себе, так как на протяжении последних пяти лет (а, по большому счету, всего периода постсоветской модернизации государственных служб) уровень доверия к милиции был безнадежно низким. И даже рост показателей, зафиксированный социологами в конце прошлого года (17 % указали, что в милиции «положение изменилось к лучшему», тогда как в предыдущие годы эта цифра не достигала и 10 %)¹, не был ощутимым и не развился в устойчивую тенденцию общественного мнения. К милиции продолжают относиться настороженно и переломить ситуацию, по всей видимости, получится, если всерьез заняться реформой этого института.

Важно отметить, что сохранение в неизменности недоверия в обществе по отношению к милиции в течение столь продолжительного времени указывает на сформировавшийся системный характер настроений граждан. Оценки настолько устойчивы, что уже правомерно говорить об их высокой и жесткой стереотипизации. Это означает, что даже при наличии реальных улучшений в работе милиции укрепившийся в общественном мнении

стереотип отношения будет еще долго сохраняться.

Существование устойчивых стереотипов укрепляется в современных условиях в связи с тем, что основным источником информации о работе милиции остаются СМИ. Это убедительно подтверждают результаты опроса: 56 % получают информацию из центральных телеканалов, 42% - из местных. Но, как представляется, дело не в том, что СМИ как-то не так пишут о работе милиции, СМИ работают на доступном им материале, а в том, что никаких других постоянных и информативных каналов не существует. Информационный дефицит косвенно подтвердился результатами проведенного исследования. Мы посчитали нужным уделить внимание тому, насколько в обществе востребована дополнительная информация о милиции, и выяснилось, что большинство граждан согласны с тем, что необходимо чаще и полнее рассказывать о работе правоохранительных органов (76%).

Граждан, имеющих самостоятельный опыт обращения в милицию, не так уж много: по данным нашего исследования – 25%. А это именно те люди, которые имеют основания и повод соотносить информацию СМИ со своим опытом и делать выбор в пользу собственных наблюдений. Оценки этой «опытной» группы отличаются, они не обладают той степе-

нью категоричности, которая свойственна основному большинству граждан. Отказ от категоричности создают другой настроенческий фон, который позволяет давать взвешенные оценки и понять причины низкой эффективности работы милиции. Наверное, это те качества, - критичность и в то же время попытка разобраться в ситуации, - наличие которых важно для возникновения осознанной и активной гражданской позиции в отношении реформы милиции.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что при сохранении СМИ в роли основного и чуть ли не единственного источника информации о современной милиции, изменить

Фото: www.dayosh.ru

¹ См.: Общественное мнение – 2007. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2007, с.85-86.

Фото: Николай Мызиков. С сайта: www.foto.lib.ru

общественные настроения будет достаточно сложно. Да и основной упор в такой ситуации будет закономерно делаться на управление информацией и на создание нового имиджа милиции и его поддержание, а не на выстраивание других форм связи с гражданами. В то же время именно новые форматы взаимодействия с гражданами могут быть той основой, которая позволит обеспечить более надежную обратную связь между милицией и гражданами, наполнить это взаимодействие живой информацией и, в конечном итоге, искать решение проблемы кризиса доверия.

Еще одной важной чертой бытующего общественного мнения является то, что в нем сохраняются советские представления о «правильном милиционере», которые также по-своему «вкладываются» в сохранение кризиса доверия.

Эти представления остаются живой чуждой народной мифологией, не порождающей актуальных представлений о желаемом образе милиционера. Но в контексте доступной обществу информации они и не могут поменяться: информационное поле вокруг современной милиции не изобилует обсуждениями и сведениями о стандартах, которые могут предъявляться современному милиционеру. Т. е. большинству граждан, располагающих в основном только информацией из СМИ, не на что опереться в попытке предъявить новые запросы милиции.

Получается, что, с одной стороны, работает миф о «дяде Степе», с другой - он не подкрепляется информационным контекстом по поводу современной милиции. Причем оба эти представления - идеалистическое и информационное - в определенной степени далеки от реальности. Первый потому, что возродить профессиональный типаж «дяди Степы» не получится, да и, наверное, не нужно (советские времена давно прошли), второй - потому что СМИ пользуются

доступной информацией, и избирательно, в силу разных причин, подходят к выбору сюжетов. Во многом конфликт этих двух представлений будет надежной основой для сохранения общественного мнения в неизменности.

Пока проблема кризиса доверия не решена, общей, разделяемой многими, рамкой отношения к милиции будет оставаться подозрительность и недовольство качеством ее работы. Поэтому активного желания участвовать и способствовать реформированию милиции также не стоит ждать. При этом, реформа нужна, - 74% опрошенных поддерживают идею ее проведения, и она должна привести как минимум к повышению эффективности работы милиции (58%), и в лучшем случае, к работе в интересах граждан, а не узких групп, бюрократии (32%). Запуска этой реформы и ее успешного претворения участники опроса ждут от государства.

Высокий уровень согласия с идеей реформирования не должен вводить в заблуждение. Реформа понимается как способ изменить работу милиции в лучшую сторону, при этом расчет делается на усовершенствование существующей системы органов правопорядка (58%), а не на коренное ее преобразование. Такой вариант реформы поддерживает меньшинство (32%), большая часть которого имеет личный опыт обращения в милицию. Именно эти граждане, далекие от резких оценок, демонстрируют понимание причин низкой эффективности работы милиции и ко всему прочему придерживаются мнения, что частичные меры, без системных преобразований, неэффективны.

Большинство опрошенных на поверку скорее согласны сохранить действующую систему, в надежде, что усиление государственного контроля за милиционерами (41%), повышение зарплат (36%), ужесточение наказания за должностные преступления (43%) исправят положение вещей.

Несмотря на это, результаты проведенного опроса показывают, что определенная часть граждан готова, по крайней мере, это декларирует, сделать «шаг навстречу» и участвовать в новых форматах взаимодействия с милицией, в которых и просматривается решение проблемы «глухой» стереотипизации общественного мнения.

В частности, 28% опрошенных указали на то, что участие в совместных объединениях из милиционеров и жителей района для решения вопросов общественного порядка и преступности может быть эффективным и полезным. Такой формат создает

и новые способы информирования граждан без посредников.

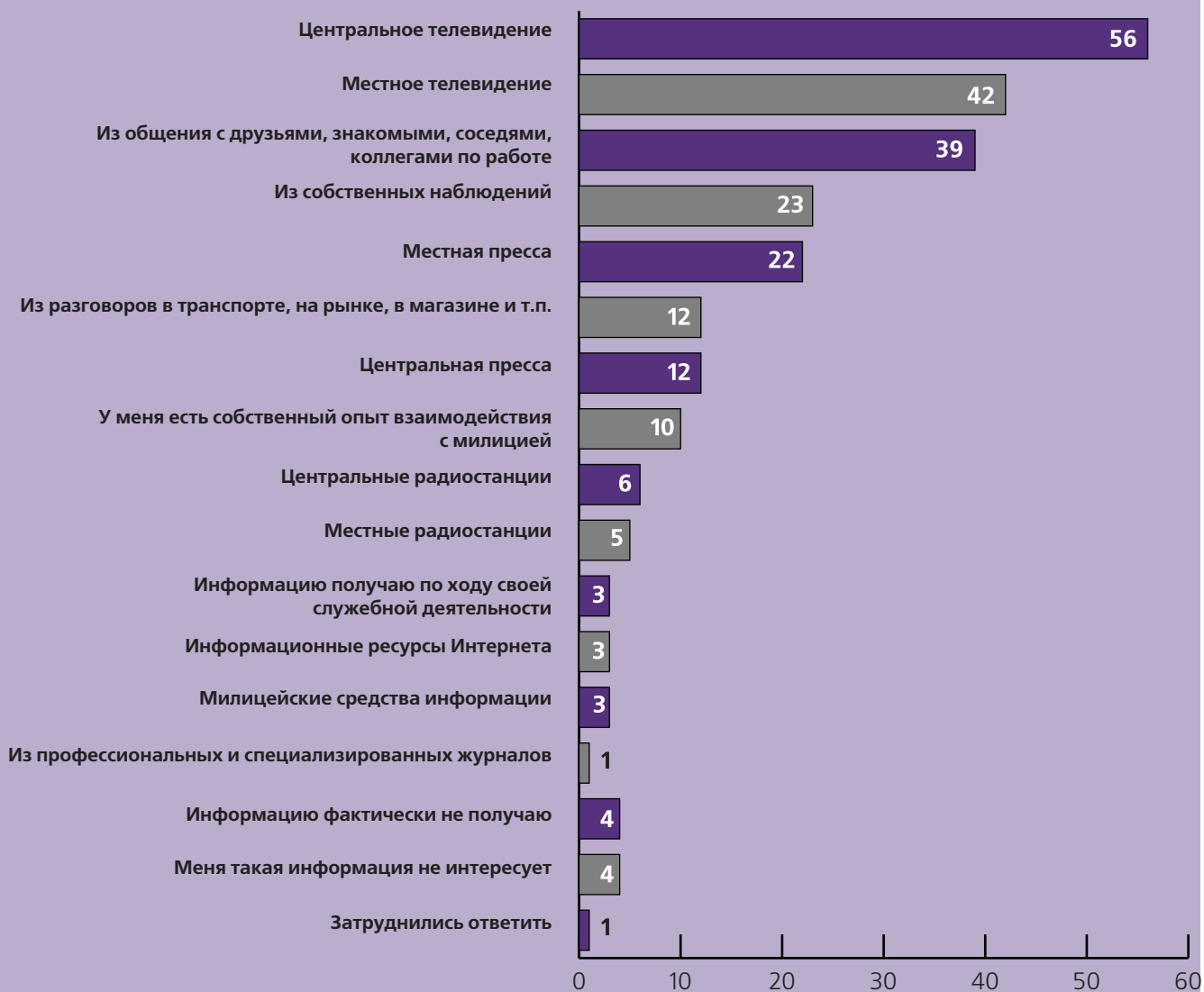
На общем фоне пассивных наблюдателей за ходом реформы число «активистов» незначительно. Но обращает на себя внимание тот факт, что наибольшая часть «активистов» - это жители средних городов.

Под средним городом понимается населенный пункт с 100 – 500 тыс. населения. Жители этих городов больше остальных доверяют местной печати, критичны в отношении милиции и готовы участвовать совместно с милицией в работе общественных объединений, которые нужны для предупреждения преступности и решения вопросов безопасности локальной среды.

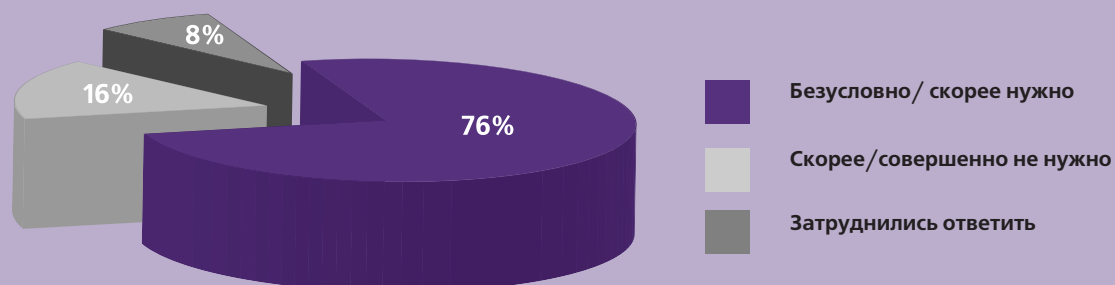
Средние города могут стать пилотной площадкой для реформаторских экспериментов. В частности, опираясь на задекларированную готовность жителей этих городов решать вопросы правоохранительной политики на уровне районов, можно пытаться организовать формы участия граждан в духе «community based policing». Если коротко, такая организация правоохранительной работы предполагает, что приоритеты и меры разрабатываются совместно милицией, гражданами, представителями местных властей. И решения, которые таким коллегиальным образом принимаются, касаются ситуации в «коммьюнити», т. е. «местного сообщества». Иначе говоря, правоохранительная работа милиции на локальном уровне опирается на активное участие самих жителей. Очевидно, что для реализации такой модели правоохранительной деятельности важно не только, чтобы граждане захотели и смогли участвовать в работе милиции, но и наличие местного сообщества. В какой степени «средний город» можно рассматривать как российский аналог или основу для становления «коммьюнити» - вопрос, достойный отдельного изучения.

ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ВЫ В ОСНОВНОМ ПОЛУЧАЕТЕ ИНФОРМАЦИЮ О РАБОТЕ МИЛИЦИИ?

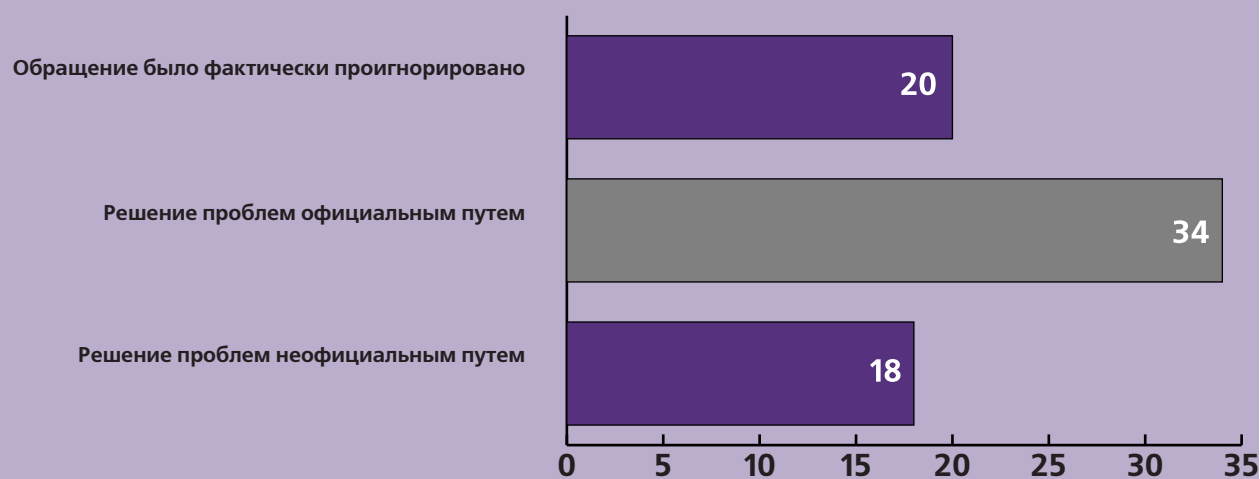
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНО ЛИ ИНФОРМИРОВАТЬ ГРАЖДАН О РАБОТЕ МИЛИЦИИ ЧЕЩЕ И ПОЛНЕЕ?

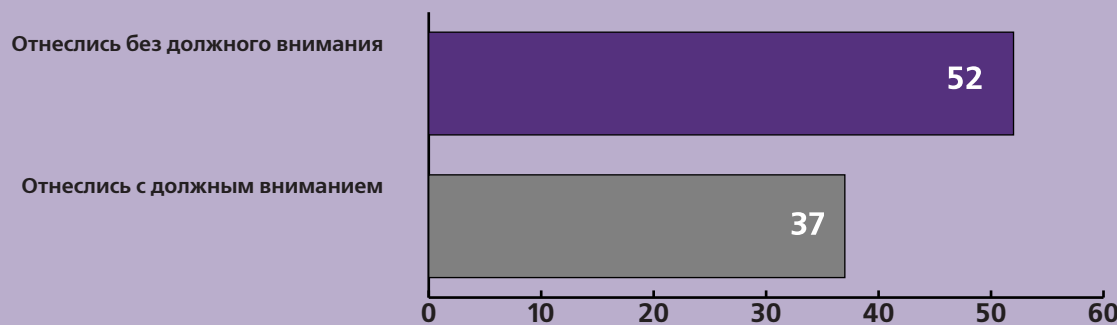
КАК ОТНЕСЛИСЬ К ВАШЕМУ ОБРАЩЕНИЮ В МИЛИЦИИ?

РЕЗУЛЬТАТ ОБРАЩЕНИЯ В МИЛИЦИЮ

УРОВЕНЬ ВНИМАНИЯ К ОБРАЩЕНИЮ ГРАЖДАН

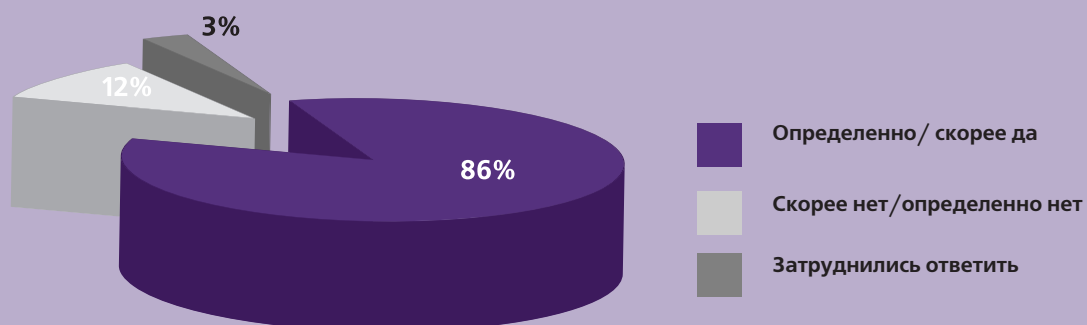
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО НУЖНО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ УЛУЧШИТЬ РАБОТУ МИЛИЦИИ?

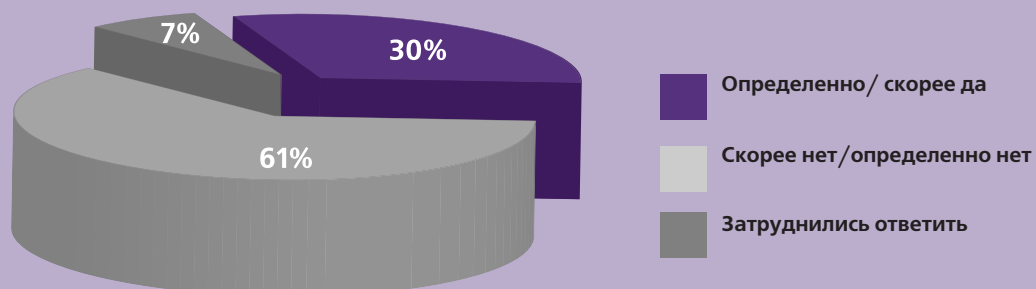
МИЛИЦИЯ РАБОТАЕТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВА ОТ ПРЕСТУПНИКОВ И ДОЛЖНА РАБОТАТЬ В ИНТЕРЕСАХ ГРАЖДАН. В КАКОЙ МЕРЕ ОНА СПРАВЛЯЕТСЯ С ЭТОЙ ЗАДАЧЕЙ?

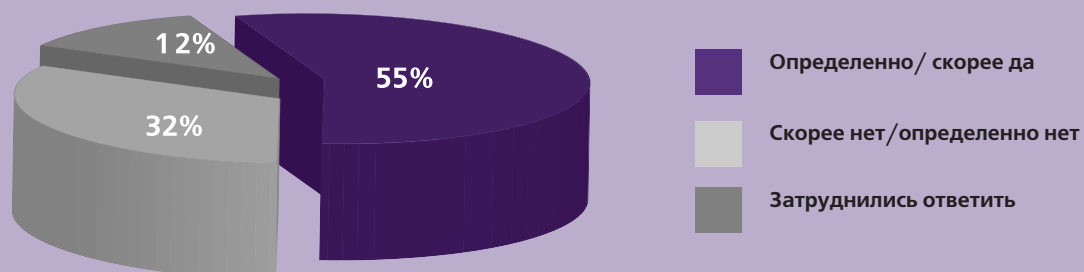
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНА ЛИ МИЛИЦИЯ ОТВЕЧАТЬ ЗА СВОЮ РАБОТУ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ, ДЕРЖАТЬ ОТВЕТ ПЕРЕД ГРАЖДАНАМИ О СВОЕЙ РАБОТЕ?

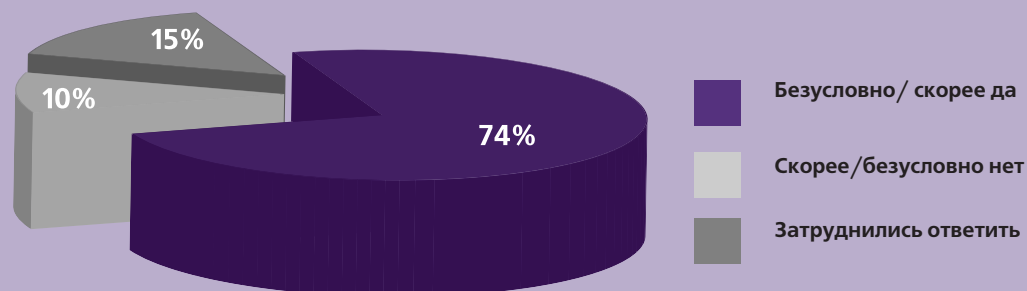
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ МИЛИЦИЯ БЕЗ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН УСПЕШНО РАБОТАТЬ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ?

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ СОДЕЙСТВОВАТЬ МИЛИЦИИ В ЕЕ РАБОТЕ?

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖДАЕТСЯ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ МИЛИЦИЯ В РЕФОРМИРОВАНИИ?

КАКИЕ СПОСОБЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В РАБОТЕ МИЛИЦИИ ВАМ КАЖУТСЯ НАИБОЛЕЕ ДЕЙСТВЕННЫМИ?

ДЛЯ ЧЕГО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, НЕОБХОДИМО РЕФОРМИРОВАТЬ МИЛИЦИЮ?

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ВЕРДИКТ**

Алексей Титков:

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Граждане и милиция должны научиться работать друг с другом»

Одно из актуальных направлений реформы милиции связано с ведением элементов децентрализации в правоохранительной политике на местах. Насколько это возможно в современных условиях регионов России, какие существуют ограничения, и насколько готово само общество к возможному превращению районных отделов в орган местной власти? Фонд «Общественный вердикт» обратился к специалисту в области регионального развития, преподавателю Высшей школы экономики Алексею Титкову с просьбой прокомментировать возможности реформирования милиции на местах.

ФОВ: О реформе милиции сейчас говорят и рассуждают много. Как Вы думаете, насколько официальные лица в МВД осознают потребность в реформе именно милиции. Действительно ли необходимость этой реформы созрела в их представлении?

Титков: Надо сказать, что как специалист и просто гражданин, житель страны, я на удивление мало слышал о каких-либо разговорах на тему реформы милиции. Я не знаю, насколько это показательно. Та часть, которая затронула мои профессиональные интересы, — это действия, собственно, не самого министерства (МВД — ред.), а политического руководства страны, связанного с усилением централизации управления внутренних дел, прежде всего, на уровне субъектов Федерации. Но это не является отдельным милицейским проектом, это происходило и в других вертикалях власти — в образовании, в финансах. Но в целом, думаю, МВД озабоченно реформой милиции.

ФОВ: Принято некое решение на уровне политического руководства о более жесткой централизации власти. Как это отразилось на региональных МВД?

Титков: Это выразилось, в частности, в переименовании республиканских министерств в Управление МВД по той или иной республике. В основном централизация проявилась в более частых горизонтальных ротациях милицейских кадров из региона в регион. Вполне возможно, что это привело, скорее, к улучшению, чем к каким-то заминкам в работе, за счет эффекта «новой метлы», которая хотя бы первые недели и месяцы пытается навести порядок. Но это решение касалось не только МВД, оно принято на более высоком уровне,

такой процесс происходил не только в милиции.

ФОВ: Как связан принцип горизонтальной ротации с политикой централизации управления в регионах?

Титков: Напрямую. Среди руководителей региональных управлений увеличивается количество генерал-майоров и полковников, которые сделали карьеру не в этом регионе, в меньшей степени «обросли» неформальными связями внутри регионального ведомства и с администрацией. Ими легче управлять сверху и сложнее управлять снизу, изнутри. Централизация важна для того, чтобы не было слишком прочной спайки между региональными отделениями внутренних дел и региональными органами власти, бизнес-структурами и прочее. Это делалось для того, чтобы МВД в регионах стало, действительно, федеральной структурой, его сотрудники не должны быть представителями региональных интересов в форме одной из федеральных служб. Эта антикоррупционная политика сегодня проводится не только в милиции, но и в администрации, в целом, в регионах.

Я бы не стал называть это процессом реформирования. Это просто внедрение рутинной практики. Сам по себе принцип горизонтальной ротации не содержит ничего принципиально нового. Сталин в 30-е годы его использовал очень хорошо и активно. И не только он, а много кто до и после.

ФОВ: Получается, что каких-то очевидных для стороннего наблюдателя процессов реформирования милиции не происходит. В тоже время опрос, который провел Фонд «Общественный вердикт» и Левада-Центр, показал, что 74% опрошен-

ных граждан поддерживают идею реформирования милиции. Можно ли говорить о реальном запросе со стороны общества в такой реформе?

Титков: Я бы сказал, что запрос существует, скорее, не на реформирование милиции и, тем более, не на какой-то определенный вариант реформирования. Это общий запрос на справедливость, на правопорядок и некоторое переживание разрыва между тем, каким милиционер должен быть и тем, с чем гражданам приходится сталкиваться в реальной жизни.

ФОВ: У людей есть некое понимание и переживание недовольства той ситуацией, которая сейчас имеется, и реформа воспринимается ими как способ изменить ситуацию к лучшему?

Титков: Если бы я был философом-культурологом, то повел разговор о том, что русской душе вообще свойственно острое переживание разрыва между царством небесным и царством земным. Первое — совершенное, второе — в грехе, в грязи. И есть отчаянные попытки этот разрыв преодолеть. Существует идеал и существует реальность, известная из обыденных встреч с милиционерами. А в последние годы еще и из сериалов про милицию, в которых, также как в аналогичных американских и итальянских фильмах, обязательно есть плохие парни, которые делают все не так, как нужно.

ФОВ: Исследование зафиксировало очень интересную группу — жители средних городов. Под средним городом в исследовании понимается населенный пункт с числом жителей от 100 тысяч до 500 тысяч.

Жители средних городов отличаются от остальных сдержанностью своих оценок, что косвенно позволяет

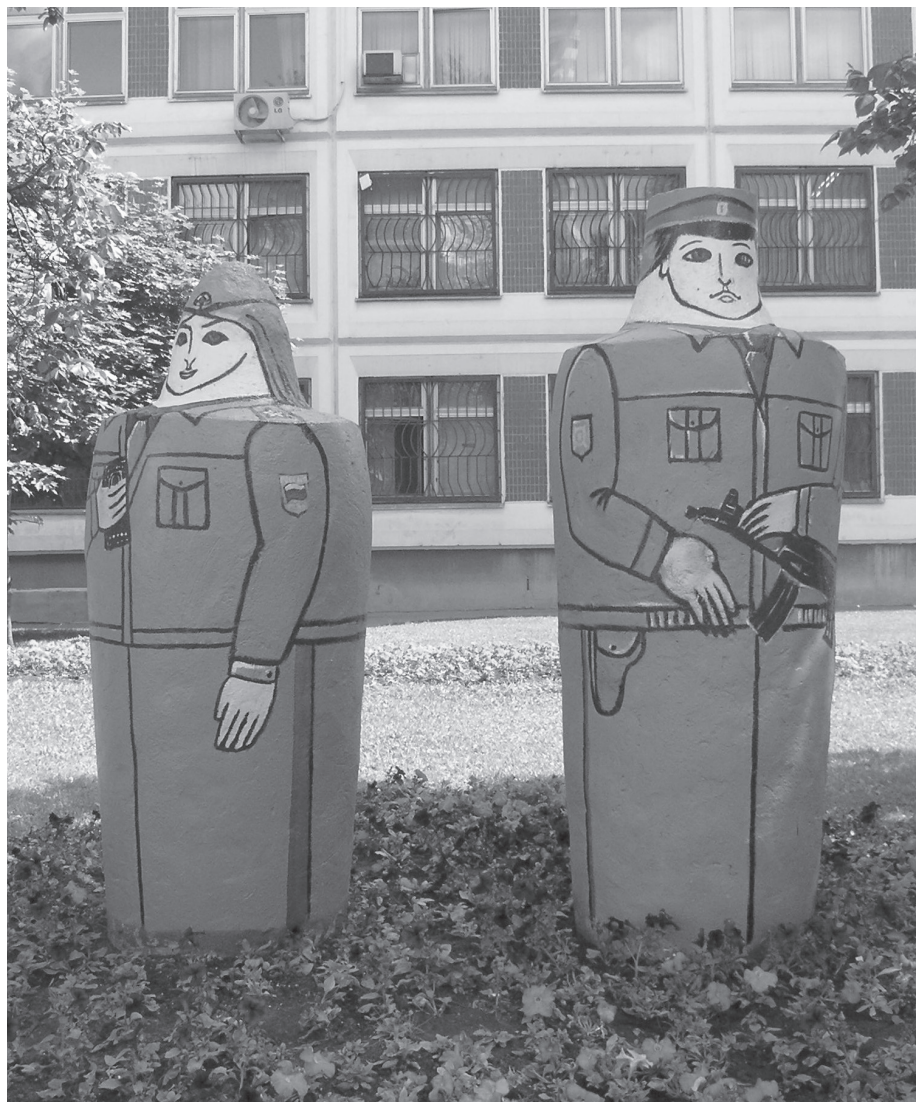
говорить об их стремлении понять происходящее в милиции сейчас. Кроме того, среди них наибольшая доля тех, кто готов принимать участие в работе объединений, совместных с милицией, которые бы занимались решением проблем правопорядка на уровне микрорайонов, локальных сообществ. Такой своего рода совещательный механизм принятия решений. Насколько эта задекларированная готовность может быть реализована? Какие могут быть возможности для организации такой модели работы милиции на местном уровне?

Титков: Начну с такого общего стереотипа о том, что это за города. Прежде всего, это, как правило, города советского времени, в которых основное население занято на промышленных предприятиях. В таких городах развита так называемая «пацанская» квартальная культура. Другой, в силу молодости этих городов, не сформировалось. Это особый тип городов. К примеру, по статистике выборов это, как правило, тот тип, который отличается более протестными, оппозиционными настроениями, и они используются специалистами по избирательным кампаниям как индикатор политического неблагополучия.

Можно сравнить средние города с малыми и большими. В малых, вполне возможно, что такие механизмы, как совместные с милицией форматы обсуждения и принятия решений по вопросам охраны правопорядка, просто меньше нужны, так как неформальным образом они там и так уже существуют, просто за счет того, что город маленький, как деревня, все друг друга знают и в курсе всех проблем.

А в больших городах, начиная с региональных центров, возникает проблема отчуждения милиции как обособленной группы. Обычно это еще сопровождается обвинениями, что «понаехавшие» милиционеры страдают от недостатка культуры и прочее. Вполне возможно, что в средних городах такого отторжения милиции не возникает. И, вероятно, это объясняется тем, что в милиции средних городов работает достаточно много местных жителей, которые родом из этого же города. Хотя точная статистика мне неизвестна. И, скорее всего, из-за этого в средних городах культурный разрыв между милицией и гражданами – не сильный.

ФОВ: Можно предполагать, что любой региональный центр является и миграционным центром для тех, кто живет в области и в других, сопредельных областях. Скорее всего, доля мигрантов и, действительно, людей, которые своего рода «иногородцы», выше, чем в средних городах. Задеклариро-

Матрешки – милиционеры у одного из отделов милиции города Москвы. Фото: Александр Ныров

ванная готовность участвовать совместно с милицией в решении вопросов правопорядка на практике может существенно сократиться. По результатам опроса, около 30% сказали, что они хотят и видят себя в этом взаимодействии, но в реальности таковых может оказаться меньше. Тем не менее, насколько вообще такой механизм может быть успешным, целесообразным для организации правоохранительной политики на местах?

Титков: И для милиции, и для граждан вполне новыми и, возможно, даже слегка травмирующими являются и те формы, которые внедряются сейчас. Это общественные советы, способствующие налаживанию контакта властей с какими-то организованными общественными структурами. Я думаю, что прежде чем организовывать участие в правоохранительной деятельности граждан, пускай, хотя бы пяти процентов населения, нужно, чтобы как-то переварилась и устоялась эта нынешняя форма – общественные советы. Вполне возможно, что в дальнейшем вокруг

них выстроится сеть, которая уже будет охватывать большее число граждан, обычных жителей городов.

Эта модель работы – общественные советы – должна быть освоена и милицией, и общественниками. В частности, обе стороны должны понять, какие интересы пересекаются, в чем может быть взаимовыгода, что можно действительно делать успешно, а что – нет. Нужно, видимо, сначала отработать практику взаимодействия, партнерства с такими ограниченными группами людей, с, предположительно, более сознательными и более подготовленными, чем все остальные. Привлечение большего числа граждан может быть реализовано как копирование моделей общественных советов на совсем локальных уровнях, вплоть до участков.

ФОВ: Насколько такое направление реформирования как привлечение граждан к правоохранительной деятельности, связано с проблемой развития местного самоуправления?

Титков: Связь достаточно сложная, поскольку сейчас местное самоуправление живет, в общем-то, своими про-

блемами. После нескольких лет реформирования по 131 Закону «О местном самоуправлении» оно находится в неустойчивом, восторженном состоянии. Сейчас чиновники пытаются понять, где они оказались после пяти лет реформирования по 131 Закону, в ходе которого все ячейки местного самоуправления были практически перенарезаны заново. И теперь оно как в советское время стало двухуровневым, а это предполагает разные полномочия.

ФОВ: Существует точка зрения, что проводить реформу милиции целесообразно в контексте реформы местного самоуправления, потому что желаемое направление реформы – это децентрализация. Действительно ли нам нужна децентрализованная система милиции? Либо все-таки, учитывая наши реалии, пока стоит остановиться на идеи централизации, которая, как выяснилось, сейчас усиливается на региональном уровне?

Титков: С централизацией тоже все непросто. Реформы, которые предлагает Дмитрий Козак (Министр регионального развития – ред.), подразумевают, что пожарная охрана, налоговая служба и санэпиднадзор будут переданы в ведение регионов. По крайней мере, об этом с регулярным постоянством говорится с осени 2007 года. В этом смысле как раз можно говорить о вариантах реформирования в духе децентрализации. Меры разумны, но на практике это может создать опасную ситуацию. Дело в том, что и пожарная охрана, и налоговая инспекция, и санэпиднадзор, условно говоря, структуры сильно-поражающего действия. Если они станут орудием выяснения отношений между какими-то группами внутри региона, то это может спровоцировать очень серьезные конфликты, учитывая, что и сейчас существуют противоречия между этими вертикалями.

Что касается милиции, то и здесь я пока не вижу возможности реформы в духе создания децентрализованной системы. Милиция, будучи преемницей царской полиции, унаследовала и управленческие порядки. Как в 1917 году, после февральской революции, полиция стала называться милицией, потому что это более демократично, так ничего, по сути, не поменялось: как была централизованная система при царе, так она и сохранилась при советах. Поэтому традиции правоохранительной политики не дают оснований считать, что у нас реалистична система милиции, построенная на принципах децентрализации.

Правда, в России был такой опыт. Но только в периоды, которые принято называть смутным временем. Будь то там 1612 год или опять же раннее

послереволюционное время в 20-ом веке. То есть такого рода самоорганизация возникает при совсем критических ситуациях.

Проблема еще, как видится, в том, что основной частью жителей не будет понята ситуация, когда районная милиция перестанет быть общегосударственной службой, а превратится в орган местной власти. Местная, а не государственная милиция будет не понята. Сейчас все привычно: милиция – общероссийская структура, а не муниципальная.

ФОВ: Получается, что все-таки реальность в России такова, что с децентрализацией нужно не то чтобы повременить, но очень хорошо подумать, прежде чем ее реализовывать на практике.

Титков: Просто общество эту проблему не продумало, не прочувствовало и не связывает проблемы милиции именно с тем, что милиция излишне централизована. Опять же очевидно, что с точки зрения практики такая система может быть введена только сверху. В простом случае – приказом министра или чуть более сложном, но и более устойчивым, – внесением изменений в законодательство, при этом, формально внесенным от Президента, от Правительства, но фактически разработанное, скорее всего, в МВД. Здесь, наверное, стоит обсуждать, насколько федеральное руководство того же МВД в принципе готово пойти на такие уступки. Понятно, что столкнуться интересы, связанные с тем, чтобы перебрасывать людей из региона в регион, чтобы одновременно в нескольких регионах проводить одни и те же мероприятия. То есть милиция является, условно говоря, стратегическим запасом, таким контрольным пакетом возможностей, который федеральное руководство всегда оставит за собой.

ФОВ: Централизованная милицмейская система оставляет мало возможностей для учета местных приоритетов. Что можно сейчас сделать, чтобы в какой то степени изменить ситуацию?

Титков: Сейчас общественные советы могут действовать как инструменты для разработки и учета приоритетов на локальном, местном уровне. И хотя это невластный орган, тем не менее, он ориентируется на местные проблемы. Понятно, что приказ из Москвы гораздо сильнее, чем решения такого совета.

Формально еще существуют структуры согласования региональных интересов. Это региональные советы безопасности. Они же, как правило, по своему составу совпадают с анти-террористическими советами, с анти-

рейдерскими советами и с советами по борьбе с распространением наркотиков. Но, как правило, эти структуры достаточно формальные, они – проводники федеральной политики.

ФОВ: Если децентрализация будет возможна, то только сверху? Ждать инициативы снизу не приходится?

Титков: Я не очень себе представляю, что сотрудники районного или областного управлений милиции, в традициях русского земства 19 века, в котором писали царю проекты реформирования, точно также будут сидеть и разрабатывать какие-то реформаторские проекты. Все-таки милиция – это структура, которая ориентирована на выполнение приказов и распоряжений, а не на выдумывание чего-то нового. Поэтому какие-то реальные подвижки возможны только со стороны федерального центра и министерства. Система устроена так, что милиционерам, тем более на низовом уровне, думать не нужно в принципе. Ну, по крайней мере, в милиции общественной безопасности, в госавтоинспекции.

ФОВ: Это если говорить о милиции как об инициаторе реформ. А если вернуться к гражданам, то насколько можно ожидать активности по поводу реформы с их стороны?

Титков: Если граждане этим озабочены, то будут писать письма в Кремль Президенту, а не своему региональному руководству. Потому что граждане знают, где власть.

ФОВ: Нынешняя федеральная политика не позволяет нам говорить о том, что все-таки идет направление по усилению влияния регионов?

Титков: Сложно сказать, поскольку как раз переход к системе назначений региональных руководителей во многом вернул ситуацию 90-х годов. Работает простая логика: поскольку губернаторы – это фактически федеральные назначенцы, то почему бы им не передать часть, как своим людям, федеральных полномочий. И в этом смысле достаточно жесткая политика первой половины 2000-х годов, когда федеральный центр забирал под свой контроль все, что формально ему принадлежало по Конституции, перестает сейчас действовать. С одной стороны, возникают постоянные просьбы с регионального уровня, типа «мы – президентские люди, поэтому доверьтесь нам». С другой – наблюдается разброд мыслей на уровне федеральном – «почему бы действительно не передать»? В этом смысле какая-то передача полномочий, в том числе и в милицмейской части, по крайней мере, теоретически возможна.

«Мы хуже зверей»

Валерий Курносов, корреспондент газеты «Газета» (Москва),
специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт».

В конце марта 2008 года Тверской областной суд подтвердил ранее вынесенный приговор двум сотрудникам патрульно-постовой службы (ППС) Завидовского отделения милиции, зверски избившим 19-летнего Александра Шмидта, который катался на роликах рядом с трассой, ведущей в президентскую резиденцию «Завидово». После признания врачами Шмидта инвалидом II группы, суд счел милиционеров виновными в превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и приговорил их к отбыванию наказания в колонии общего режима: 27-летнего старшего сержанта Василия Нестерова - к четырем, а 33-летнего старшину Валерий Рябова - к трем годам лишения свободы.

Преступление было совершено 13 августа 2005 года на участке президентской трассы в поселке Козлово Тверской области. Шмидт катался на роликах у ларька «Прима». Около часа ночи Александр присел на скамейку у ларька, чтобы снять коньки. Здесь уже сидели его знакомые 19-летний Андрей и 21-летний Николай Копыловы. В это время рядом с парнями остановился милиционер УАЗ, из которого, шатаясь, вышел Нестеров. Милиционер был сильно пьян. Позже проверка УВД области установит, что за пристрастие к алкоголю Нестеров и его напарник Рябов с января 2005 года были включены руководством в некий «список сотрудников, склонных к нарушению служебной дисциплины».

Нестеров потребовал, чтобы парни сели в УАЗ. Поскольку его язык лыка не вязал, причину задержания милиционер объяснить не смог. Выполнять непонятные требования ребята отказались. Тогда милиционер достал пистолет, вставил в него магазин с патронами, дослал пулю в ствол и вновь приказал сесть в машину.

Ребята попросили убрать заряженный пистолет. В ответ Нестеров схватил за шиворот Андрея Копылова и, тыча ему ствол в рот, ухо и затылок, потащил к машине. То же самое милиционер повторил с его братом и Шмидтом. Всех парней он уложил на землю перед УАЗом.

После чего Шмидт запротестовал: «Что же вы позволяете себе в пьяном виде?!» В ответ Нестеров несколько раз ударил парня стволом пистолета в затылок, а затем позвал своего напарника Рябова, который спал в машине, облокотившись на руль. Старшина не откликнулся. Тогда Нестеров подошел к УАЗу и стал бить напарника по щекам, чтобы

тот проснулся. Но Рябов не реагировал.

Воспользовавшись ситуацией, братья сбежали, а Шмидт с одним роликовым коньком на ноге поднялся и подошел к ларьку «Прима». На звонок в дверь продавщица Ирина Келле открыла окно. Шмидт попросил вызвать наряд милиции или командира взвода ППС местного отделения милиции капитана Виталия Гореликова. В поселке с четырехтысячным населением все друг друга знали, и парням было известно, кто командир у разбушевавшегося наряда патрульно-постовой службы. Продавщица ответила, что в ларьке нет телефона.

Шмидт сел на скамейку, чтобы поменять на ноге конек на кроссовок. В это время подошли Рябов и Назаров и стали на глазах продавщицы избивать парня, несмотря на протестующие крики Келле. «Вали отсюда, а то и тебе достанется!» - заявили женщине стражи порядка.

«Я просил остановиться, - вспоминал позже Александр, - а они только кричали по очереди: «Мы тебя сейчас замочим, щенок, никто и знать не будет!» и матерились. Я смог только из последних сил крикнуть Ирине, чтобы она позвонила родителям и забрала мой рюкзак, после чего потерял сознание».

Избегавшие расправы братья Копыловы позвонили по мобильному в местное отделение милиции в Завидово и сообщили, что у магазина «Прима» пьяные милиционеры угрожают убить Шмидта. Им пообещали разобраться. Но когда Копыловы отправились в сторону поселкового Дворца культуры, тот же УАЗ остановился перед ними, и вышедший Нестеров заставил ребят сесть в машину. Там братья обнаружили Шмидта, лежащего без сознания.

На счастье Копыловых, в ДК была

Фото из архива семьи Шмидт

драка, и милиционеры отправились выяснять обстоятельства конфликта. Воспользовавшись неразберихой, братья вновь сбежали. А Шмидт очнулся в темноте, приоткрыл заднюю дверь автомобиля и на четвереньках отполз от машины к кустам. Милиционеры вернулись в пустой УАЗ.

Переждать их отъезда избитый Шмидт не смог - ему становилось все хуже. В это время Александр услышал знакомые голоса поселковой молодежи и вышел из укрытия, чтобы попросить помощи. Загалдевшие вокруг избитого Шмидта парни и девушки привлекли внимание наряда милиции. На шум из УАЗа вновь вышел Нестеров, взял Шмидта за волосы и потащил в сторону автомобиля. Рябов заломил беглецу руки, и милиционеры снова стали бить задержанного ногами по голове, лицу, всему телу.

«Вы что, звери?» - спросил я их, - вспоминал Александр. - Они ответили: «Нет, мы хуже зверей». От сильной боли в голове я потерял сознание».

Около 5. 50 утра от удара ногой по голове Шмидт очнулся в Завидовском отделении милиции. Он лежал у входа, на бетонном полу.

«Я услышал, - с содроганием вспоминал пострадавший, - как один из со-

трудников милиции сказал Нестерову и Рябову: «Зачем вы сюда приперлись? Сами никакие и этого хлюпика притащили». Нестеров стал возражать: «Где ты видишь пьяных?» Сотрудник ответил: «Закрой рот, от тебя разит, как от свиньи». Нестеров сел, взял ручку и попытался написать протокол задержания. Спросил у меня фамилию и имя, я ответил. Он сделал несколько попыток, но так и не смог ничего написать. Нестеров встал и попросил написать Рябова, на что тот ответил: «А что я, лучше, что ли, смогу?» Протокол так и не составили».

Около 4 часов дня Шмидта все же из отделения отпустили. Но перед этим ему дали чистый лист бумаги и под диктовку заставили написать, что он обязуется до 8 утра следующего дня заплатить 100 рублей за содержание в камере. Шмидт поставил число и роспись.

Через час избитый молодой человек вновь был в отделении. На этот раз его привезли на своем автомобиле возмущенные родители. С Шмидтами встретился тот самый капитан Гореликов, на чью помощь рассчитывал Александр ночью.

«Ваш сын выгораживает свою пьянку, - вспоминала слова капитана мать Александра Инга Александровна. - Вот протокол, и я вижу ровный почерк Рябова, а сын вам говорит, что милиционеры были пьяны». Я попросила показать этот протокол нам и Саше. Капитан показал его только из своих рук и на расстоянии трех метров. Гореликов прочитал, что Саша якобы был пьян, ругался матом в общественном месте и оказывал со-

противление сотрудникам милиции. Я попросила показать справку о медицинском освидетельствовании сына и милиционеров. На что мне сказали, что ее, к сожалению, нет. Я предложила поехать и сдать кровь на наличие алкоголя, так как алкоголь держится в крови три дня. Мы были готовы для экспертизы, но Гореликов ответил, что Рябов позволил себе выпить после работы. Я сказала, что мне все ясно».

Пришлось семье Шмидтов обращаться к медикам по собственной инициативе. Врачи определили у Александра ушиб головного мозга, кровоизлияние под мягкие оболочки мозга, ссадины на левом виске, затылке, шее, правой лопатке и правом локте. Судебно-медицинская экспертиза оценила повреждения как вред здоровью средней тяжести. В начале 2006 года медицинская комиссия признала слепнувшего и прежде здорового парня инвалидом II группы...

25 августа 2005 года Конаковская межрайонная прокуратура возбудила в отношении Нестерова и Рябова уголовное дело по п. «а», ч. 3, ст. 286 УК РФ («превышение должностных полномочий»). Помощь в защите интересов потерпевшего Шмидта оказал фонд «Общественный вердикт», который рекомендовал адвоката и предал гласности обстоятельства дела.

10 мая 2006 года судья Конаковского городского суда Тверской области Елена Крюкова открыла судебное разбирательство, которое завершилось обвинительным приговором 8 февраля 2008 года.

Без малого два года обвиняемые милиционеры находились на свободе и использовали время с пользой для себя. 24 октября 2006 года в заявлении на имя судьи Шмидт сообщал, как нетрезвые Нестеров со своим другом Скобелевым встретили Александра на улице. По словам Шмидта, Нестеров заявил: «Если ты не заберешь свое заявление из суда, то я тебя здесь закопаю, и никто об этом не узнает. Я тебя тогда не добил, то сейчас это сделаю, живым ты не будешь!»

В другой раз друг Нестерова пришел в парикмахерскую, где работал Александр, и осколком разбитой бутылки угрожал порезать Шмидту лицо. Милиция задержала хулигана, но о том, как его наказали, Шмидтам ничего и неизвестно.

Пришлось несладко и свидетельнице избиения — продавщице Келле. Как сказано в заявлении Александра Шмидта, чтобы заставить женщину замолчать на суде «Нестеров брал ее за грудки и высказывал угрозы убийством».

Пришлось в ходе следствия и суда потерпевшему Шмидту скрываться от опасных обвиняемых в Твери.

Однако судья Крюкова не решилась арестовать милиционеров до вынесения приговора. Зато заявила, что последовавшая инвалидность ранее здорового парня не связана с его избиением.

И все же Конаковский городской суд признал милиционеров виновными и приговорил их к отбыванию наказания в колонии общего режима. А Тверской областной суд 20 марта 2008 года подтвердил ранее вынесенный приговор, который вступил в законную силу.

Нижегородская сага

Сергей Ядыкин, независимый журналист (г. Казань), специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт».

Нижегородская девушка Ольга Маслова относительно недавно приобрела всероссийскую известность. Благодарить за это ей стоит Европейский суд по правам человека в Страсбурге, который удовлетворил жалобу нижегородки на действия сотрудников прокуратуры и милиции, которые, по утверждению Ольги, пытали и насиловали ее прямо в служебном кабинете 9 лет назад.

Думается, что сама Маслова такой ценой заработанной известности не желала. Тем более что на национальном уровне никакого решения судов по этому делу до сих пор нет. Бывшие офицеры прокуратуры, которых Маслова обвиняет в пытках, - уважаемые члены общества из семей нижегородской элиты, ставшие ныне преуспевающими адвокатами.

В ноябре 1999 года 19-летняя Маслова была вызвана в качестве свиде-

теля на допрос в Нижегородское районное УВД Нижнего Новгорода. В те времена РУВД и районная прокуратура находились в одном здании на набережной Волги. Ольга еще не знала, чем обернется для нее такое соседство. Могла ли предположить девушка, что несколько часов «допроса» в стенах двух правоохранительных ведомств резко и навсегда разделят ее жизнь на две части - счастливую юность и молодость, проведенную в долгих и

до сих пор незавершившихся поисках помощи, защиты и справедливости? Между двумя периодами жизни Ольги незаживающей чертой пролегла страшная пытка, которой подвергли девушку «оборотни в погонах».

Пытки и избиения продолжались более трех часов. В ход шли противогаз и знаменитый в российских милицеевских застенках «звонок президенту» - пытка электричеством, когда контакты от специального прибора,

в милицеских кругах ласково именуемого «полиграф-полиграфычем», подсоединяют к ушам и пускают ток.

Трое сотрудников районной прокуратуры и один милицкий оперуполномоченный сначала требовали от испуганной Ольги дать нужные им показания против ее знакомого. Не выдержав издевательств, Маслова написала требуемое. Однако мучения на этом не прекратились. Ольгу отпустили домой лишь поздно вечером в шоковом состоянии.

На следующий день, по сути, начались мтарства Ольги. Мтарства с целью добиться справедливости. Уголовное дело против насильников было возбуждено прокуратурой практически на следующий день после событий. В июле 2000 года оно было направлено в Нижегородский районный суд. А уже в августе суд возвратил дело для проведения дополнительного расследования. И - как печальный итог - в январе следующего года дело было прекращено прокуратурой Нижегородской области «за недоказанностью вины обвиняемых».

В течение следующих лет уголовное дело прекращалось и возобновлялось четыре раза. Российские суды до сих пор не приняли никакого решения по делу Ольги, рассмотрение «завязло» на уровне кассаций, надзора, бесконечных постановлений об отмене постановлений и их обжалования.

Не видя никакой возможности самостоятельно добиться справедливости, Маслова обратилась к правозащитникам из общественной организации Комитет против пыток. Когда от некоторых высокопоставленных фигурантов скандального дела в адрес Масловой стали раздаваться весьма недвусмысленные заявления, и возникла угроза безопасности ее и ее детей, юристы этой организации применили по отношению к потерпевшей международный механизм защиты жертв и обеспечили переезд девушки в другой регион России.

Эта мера оказалась успешной, и Ольга смогла пережить наиболее сложный период времени вдалеке от Нижнего Новгорода и страхов, связанных с высокопоставленными родственниками извергов. Надо сказать, что оные изверги и сейчас, уже после оглашения вердикта Европейского суда, после того, как прокуратура и суды Нижегородской области, подстегиваемые общественным мнением и московским руководством, начинают предпринимать определенные шаги, способные в принципе привести всю компанию экс-прокурорских сотрудников на нары, не слишком печальятся. Недавно, например, в интервью «Комсомольской правде» один

Правозащитники из Комитета против пыток рассказывают журналистам о решении Европейского суда по делу «Маслова против России». Фото: Александр Васильев.

из подельников открыто заявил, история с Масловой пошла ему только на пользу. Дескать, благодаря раздутому правозащитниками «из ничего» скандала, он смог вовремя уволиться из прокуратуры и стать известным и богатым адвокатом. А то бы, заявил бывший старший следователь, так бы и пил водку в прокуратуре по пятницам, и никакой карьеры. А что де касемо решения Евросуда, продолжил он же, то ведь «известно, что Европейский суд всегда выступает против России», а значит, чего нам, россиянам, его слушать.

Такая вот занимательная юриспруденция от знаменитого адвоката с прокурорским прошлым.

У сотрудников Комитета против пыток, естественно, другое представление о нормах европейского правосудия и международных механизмах защиты прав граждан. Они смогли провести расследование, взять на себя защиту интересов девушки в российских судах, помогли подготовить и направить жалобу в Страсбург, где на протяжении семи лет последовательно отстаивали интересы Ольги.

Жалоба была направлена в ЕСПЧ в 2001 году, а 15 января 2002 года она была зарегистрирована Евросудом. В мае 2005 года Европейский суд направил Российской Федерации извещение, что жалоба Масловой принята к производству с целью решения вопроса о приемлемости - то есть коммуницировал ее.

Наконец в январе прошлого года Евросуд уведомил представителей Масловой из Комитета против пыток о том, что жалоба Ольги признана ча-

стично приемлемой. И через год - 24 января 2008 года Европейский суд по правам человека вынес долгожданное решение по жалобе Ольги. В нем единогласно признано, что в отношении Ольги Масловой имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части запрета пыток - к ней было применено жестокое обращение, и она подверглась неоднократным пыткам сотрудниками прокуратуры и милиции. Кроме того, суд признал, что Конвенция была нарушена и в связи с отсутствием эффективного расследования произошедшего с Ольгой в России.

В этом же решении суд, в соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) присудил Ольге Масловой 70 000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

В соответствии с существующими правилами эти деньги должны быть перечислены российским казначейством на счет гражданки Масловой в течение полугода с момента вынесения решения суда. Как правило, Российская Федерация расплачивается по своим обязательствам подобного рода точно и в срок.

Отметим, что значение решения, принятого в Страсбурге не только и не столько в денежной компенсации. Хотя, она, конечно, придется очень и очень кстати для Ольги - матери, воспитывающей двух детей. Самое важное и принципиальное заключается в том, что этим решением четко обозначена позиция европейского правосудия в этом многолетнем и драматическом деле молодой нижегородки.

Нижегородская прокуратура оказалась не готова к решению Европейского суда. Впрочем, не в первый раз. Растерянные комментарии чиновников сводились к обвинениям в адрес судебных органов и заявлениям о том, что органы прокуратуры «всегда были на стороне Ольги Масловой».

После оглашения решения Европейского суда у Ольги и ее родственников вновь появилась надежда на восстановление нарушенных прав в родном Отечестве, на справедливое судебное разбирательство и наказание виновников кошмара девятилетней давности. Время покажет, станет ли эта надежда реальностью.

Пока верстался номер:

Правительство Российской Федерации попросило Европейский суд направить дело «Маслова и Налбандов против России» в Большую Палату Суда. Большая Палата Европейского Суда имеет право пересмотра изначально принятого решения, и ее постановление по делу является окончательным и дальнейшему пересмотру не подлежит.

Несмотря на серьезность нарушений, дело «Маслова и Налбандов против России» является довольно стандартным в практике Европейского суда. Решение по делу было вынесено судьями единогласно, что позволяет говорить о полной и безоговорочной доказанности факта нарушения прав заявителей, признанного Судом. Поэтому просьба России передать дело в Большую Палату вызывает недоумение.

На данный момент решение Европейского суда по указанному делу не является окончательным, а значит, пока исполнению не подлежит. Кроме того, в соответствии с УПК РФ, в этом статусе решение не может являться вновь открывшимся обстоятельством, что не позволяет возобновить следствие и привлечь к ответственности виновных в применении пыток и бесчеловечного обращения в отношении Ольги Масловой.

Посмертная защита

Рената Пеннер, корреспондент Информационного агентства «Город новостей» (г. Новокузнецк), специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт».

История новокузнецкой семьи Топчий стала в своем роде показательной. Сейчас, по прошествии полутора лет, жители города могут уверенно сказать: мы беззащитны. Случись что - надежда только на себя...

Наверное, мама 20-летней Марины Топчий, девушки, которая в сентябре 2006 года не вернулась домой, никогда не поймет, за какие грехи такая беда пришла в их дом. Топчие не были связаны ни с криминалом, ни с большими деньгами. Они не переходили дорогу власть имущим, зла никому не делали. В общем, ни один из критериев, по которым обычно меряют подобные трагедии, по мнению Светланы и Юрия Топчих, родителей Марины, к этой истории не подходит. Что же касается профессионального следствия, то тут о критериях говорить сложно. Потому что с самого начала правоохранные органы сделали все возможное, чтобы не раскрыть преступление.

14 сентября 2006 года. В тот вечер Марина попрощалась с коллегами и направилась домой. До дома - пара кварталов, пять минут ходьбы. На записи камеры видеонаблюдения видно, как Марина выходит из здания. А вот на второй камере, которая закреплена всего в сотне метров, ее уже нет. Не дошла...

Произошло это в самом центре Новокузнецка. Средоточие офисных, торговых и развлекательных заведений. В прямой видимости - городская администрация. Никому и в голову не пришло бы, что 20-летняя самостоятельная Марина в таком людном месте, да еще и в довольно светлый

сентябрьский вечер нуждается в защите и сопровождении. Она выросла в этом районе. В конце концов, люди кругом...

Топчие беспокоились уже через полчаса после привычного момента возвращения дочери с работы. Девушка не планировала никаких развлечений на этот вечер и в случае чего позвонила бы, как делала всегда. Попытки найти ее по мобильному не дали результата - телефон был отключен.

15 сентября. Утром родители обратились в милицию. Заявление у них приняли, но откровенно сказали, что никаких мер по поиску принимать не намерены. «Нагуляется и придет», - ответили в райотделе на просьбу отца отследить звонки с мобильного дочери.

В тот же вечер на домашний телефон Топчих позвонили. Голос был слабым, едва слышным, но Светлана Топчий уверена, что это была ее дочь: «Мама, помоги...». Больше - ни слова, ни ответа на мамину «Где ты и что с тобой?». Только стоны.

17 сентября. В этот день в квартиру Топчий звонили еще пять раз. В милиции сказали, что из Москвы. Но за сутки Марина не могла переместиться на несколько тысяч километров поездом или автомобилем. А паспорта при ней не было, и это исключало возможность ее транспортировки самолетом. Отец занялся расследованием сам. Как будто чувствовал, что времени осталось

На фото: Юрий Топчий - отец Марины, с портретом дочери. Фото: Александр Купревич

совсем немного... На его неофициальный запрос в городской телефонной станции (ГТС) ответили, что звонили все-таки из Новокузнецка. Мало того - практически из соседнего квартала. Из квартиры, владельцами которой была семья по фамилии Махмудян. Непонятно, было ли сообщение милиционеров о «московском номере» попыткой отмахнуться от назойливого отца или банальной ошибкой, но надежда на помощь правоохранительных органов у Топчих окончательно растаяла.

Юрий не стал, как советовал дежурный милиционер, ждать, пока дочь «нагуляется». Он схватил охотничье ружье и с друзьями поехал по названному адресу. В подъезд войти они не смогли. Пришлось около двух часов вести переговоры с обитателями квартиры по мобильному телефону.

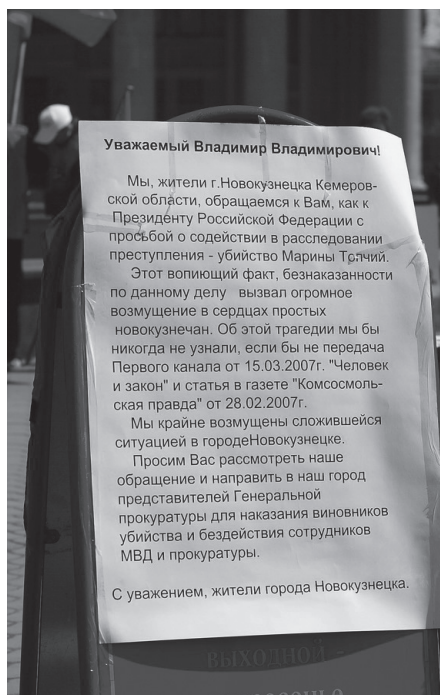
Прибывшие на место милиционеры решили не разбираться в ситуации. И хотя Юрий повторял, что Махмудяны могут насильно удерживать его дочь, даже не осмотрели квартиру. Вместо этого они... задержали всех, кого могли. Вместе с Махмудянами в отделение отвезли и отчаявшегося отца. В отделении Махмудянов отпустили тотчас же, а Юрия только через полтора часа, предварительно изъяв у него оружие.

Днем позже Топчими была получена официальная справка от ГТС: звонили, действительно, из этой квартиры, и посторонних подключений не зарегистрировано. Значит, Марина была там. Однако ни осматривать квартиру, ни предпринимать каких-либо иных действий милиционеры не торопились. А обезумевшего от горя отца начальник отделения, полковник Торуннов, и вовсе вытолкнул из кабинета. И арестовать пообещал - не понравилось, что Топчий надумал жаловаться на бездействие его подчиненных.

10 ноября. Станет ли когда-нибудь известно родителям Марины, как она погибла и кто ее убийцы - маловероятно. В ноябре Топчие самостоятельно и случайно обнаружили изуродованное тело за чертой города, на шлакоотвале. И хотя удалось найти только нижнюю половину, родители уверены - это Марина. Районной прокуратурой 12 ноября, наконец, было возбуждено уголовное дело по факту убийства. Еще около двух месяцев длились изматывающие и нестерпимые для родителей процедуры опознания, ведь без этого нельзя было предать земле пусть часть, но все же родного тела. Взятые все возможные анализы, но местные лаборатории не дали уверенного ответа. Пробы на ДНК нужно было везти в областной центр. Мама, ежедневно наводившая справки, как-то зашла в кабинет и увидела, что пакеты с анализами лежат на столе. Вышло, что никто никуда их не отвез и не собирался. Мало того: чтобы избавиться от настойчивой Светланы, ей предложили отвезти пакеты самостоятельно, на автобусе, что противоречит всяким нормам и правилам следствия. И она, конечно, отвезла. Но анализы, пролежавшие в ненадлежащем температурном режиме больше недели, не дали результатов.

Топчим все же позволили захоронить то, что они считали останками своей дочери. После этого на долгое время про трагедию почти забыли. Хотя уже через несколько дней после исчезновения девушки отец написал заявление в прокуратуру, обращался к мэру Новокузнецка и губернатору

Кузбасса, в Общественную палату. Но тогда никому эта история не показалась интересной. Внимание к этому делу проснулось гораздо позже.

«Наказать виновных в убийстве и в бездействии МВД и прокуратуры». Обращение жителей Новокузнецка к В.Путину. Фото: Александр Купревич

2007 год. Изначально местные средства массовой информации этой историей не особенно заинтересовались. Только в одной телепрограмме о происшествии прошла короткая информация о розыске Марины. Внимание же на семью Топчий общественность обратила только после того, как корреспондент одного из крупных московских изданий написал страшный в своих подробностях материал. Там было все: родительские слезы и милицейские откровения, признания и угрозы, фотографии с места предполагаемых событий и предположения журналиста. Публикацию перепечатали региональные газеты и отметили в выпусках новостей городские телеканалы - с комментариями милицейских начальников, отрапортовавших, что вот-вот, уже очень скоро преступление будет раскрыто, а виновные наказаны. Информация была подана по чиновничьи сухо, и человеку незаинтересованному было трудно понять, в чем дело.

Но вскоре об исчезновении и убийстве Марины Топчий вновь заговорили. На этот раз по центральному телевидению. Популярная телепередача буквально пригвоздила к позорному столбу региональных журналистов за молчание, а чиновников - за бездушие. Историю Марины Топчий обсуждали все и везде: от старушек на дворовых лавочках до продвинутых поль-

зователей интернет-форумов. Кстати, именно «юзеры» заставили горожан задуматься о собственной безопасности. Почти одновременно на разных ресурсах возникла идея организовать помощь родителям Топчий, и новокузнецчане решили собрать для семьи деньги на оплату услуг московского адвоката. Параллельно было решено обратиться к властям с требованием общественного расследования по этому делу. Подписи под обращением собирали на стихийно созданном сайте www.roziscya.ru, где всем равнодушным было предложено «занять свою позицию» и потребовать от властей обратить, наконец, внимание на проблему преступности в Новокузнецке.

Интернет, сумевший расшевелить обывателя, сыграл и другую роль, едва не спровоцировав межнациональный конфликт. Столичный корреспондент, автор той самой первой публикации, был щедр не только на комментарии, но и на подробности, и до окончания следствия обнародовал фамилии и адрес подозреваемых в похищении Марины. Это оказалось на руку людям, во всех бедах винящих «инородцев», в частности выходцев с Кавказа. Соответствующие призывы зазвучали все отчетливее.

Новокузнецчане были напуганы и чувствовали себя беззащитными в собственном городе. И лишь через несколько месяцев задумались над тем, что косвенным виновником трагедии были и сотрудники милиции. Обязанные защищать, они берегли исключительно собственный покой, предпочитая не вмешиваться в «мутное дело».

Пролить свет помогло общественное расследование, инициированное специалистами Южно-Сибирского правозащитного центра в рамках проекта Фонда «Общественный вердикт». Именно правозащитники задались вопросом: почему ни дежурный милиционер, принявший сигнал в тот сентябрьский вечер, ни дознаватель, почти моментально давший отказ от возбуждения уголовного дела, ни их руководители не сделали то, что были обязаны сделать? И лишь после того, как правозащитники подняли проблему, сотрудники правоохранительных органов начали служебное расследование.

13 февраля. Люди в погонах моментально нашли «стрелочника», дознавателя Поляченко, закрыв глаза на то, что отказ в возбуждении дела подписал начальник ОВД Торуннов. Тот самый полковник, вытолкнувший Юрия Топчий из своего кабинета. Но полковник вскоре ушел в отставку, через пару месяцев «проявившись» в соседнем городке практически в

идентичной должности. А в возбуждении уголовного дела в отношении дознавателя Поляченко несколько раз отказывали.

23 апреля. Весной новокузнецчане вышли на пикет, посвященный памяти Марины. Молчаливый протест родственников и знакомых Марины Топчий прошел почти не замеченным. Некоторым казалось знакомым лицо на фотографии, которую держал Юрий. Но большее внимание привлекали плакаты в руках немногочисленных пикетчиков: «Оборотней в погонах - под суд», «Не принял заявление - способствовал преступлению», «Власть, защити нас от беспредела!», «В конституции нет права на убийство».

24 сентября. Юрий Топчий написал заявление в Федеральную службу безопасности РФ, в котором говорится: «Я уверен, что если бы сотрудники правоохранительных органов, прокуратуры и ФСБ честно и добросовестно выполняли свои служебные обязанности и свой гражданский долг, наша дочь, которая первые несколько дней после похищения была жива, могла

бы быть спасена. Но, к сожалению, мы столкнулись с преступным равнодушием и бездействием».

2008 год. Дело Топчий вспоминают все реже, в основном - в связи с другими преступлениями сотрудников правоохранительных органов. Между тем, дело медленно, но движется. Усилиями правозащитников возбу-

новлено уголовное дело в отношении дознавателя Поляченко. Продолжаются поиски преступников, оборвавших жизнь двадцатилетней Марины.

И только Светлана и Юрий считают каждый день, прожитый ими без любимой дочери. И каждый день надеются, что когда-нибудь виновные будут найдены.

Уголовное дело в отношении дознавателя майора милиции Ольги Поляченко, которая вместе с районным прокурором Михаилом Платовым отказалась возбудить уголовное дело по факту пропажи Марины Топчий, несколько раз прекращалось на основании отсутствия причинно-следственной связи между бездействием Поляченко и смертью девушки. В последний раз, осенью 2007 года, Центральный районный суд Новокузнецка Кемеровской области отменил постановление о прекращении уголовного дела, приняв во внимание доказательства, предоставленные стороной защиты. Несколько месяцев решался вопрос о дополнительной проверке в отношении дознавателя по части 3 статьи 285 УК РФ - «злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия», что наказывается лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трех лет. На данный момент дело в отношении Поляченко вновь прекращено.

«Я уверен, что если бы сотрудники правоохранительных органов, прокуратуры и ФСБ честно и добросовестно выполняли свои служебные обязанности и свой гражданский долг, наша дочь, которая первые несколько дней после похищения была жива, могла бы быть спасена. Но, к сожалению, мы столкнулись с преступным равнодушием и бездействием», - говорится в заявлении отца погибшей девушки **Юрия Топчий** в Федеральную службу безопасности РФ.

Дело чести

Гульнара Шакирова, корреспондент газеты «Московский комсомолец» (Москва), специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт».

Со скандалом, связанным с нашумевшим делом о трагической гибели в тверском изоляторе сотрудника ГИБДД, предстоит вскоре разобраться Европейскому суду по правам человека.

Российские правозащитники взялись защищать мать погибшего Михаила Залетина, которая обратилась с жалобой в Страсбург на действия российских служителей закона, поместивших в камеру тяжело больного человека и по сути подписавших ему смертный приговор.

Пятого июня 2004 года 29-летний сотрудник второй роты ГИБДД Тверской области Михаил Залетин как обычно нес службу на посту ДПС. Около трех часов дня прапорщик милиции заметил подозрительный автомобиль «Скания» и дал водителю знак остановиться. Опасения стража порядка подтвердились - оказалось, что сидевший за рулем машины шофер Тимофеев из Санкт-Петербурга был пьян. Согласно выдвинутому потом обвинению, Залетин сообщил задержанному, что не будет оформлять на нарушителя протокол за езду в нетрезвом виде, за что якобы попросил у него три тысячи рублей. Узнав о том, что у Тимофеева денег нет, Михаил будто бы

забрал его паспорт и талон техосмотра автомобиля, сообщив, что отдаст документы только после того, как получит деньги. Как утверждал потом задержанный водитель, он договорился с Залетиным, что передаст ему деньги в обмен на документы 10 июня, когда опять будет проезжать через этот пост.

Между тем Тимофеев обратился в прокуратуру, и Залетина решили поймать с поличным. По версии прокуратуры, в назначенный день около девяти часов утра Тимофеев приехал на пост ДПС, подошел к Залетину, положил три тысячи рублей в пачку из-под сигарет, а затем бросил ее под лестницу поста ДПС. Как утверждал водитель, он действовал так по приказу Залетина. Потом он получил от него документы. Практически сразу же после завершения общения Тимофеева с Залетиным правоохранительными органами был произведен осмотр поста ДПС и прилегающей к нему территории (не исключено, что это

было результатом заранее достигнутой договоренности Тимофеева с правоохранительными органами). Залетин был задержан.

В суде Калининского районного суда Тверской области 12 июня решался вопрос об избрании Залетину меры пресечения. Адвокат задержанного и родители Михаила представили суду медицинские документы о том, что с 1998 года он страдает сахарным диабетом 1 типа средней степени тяжести, подписанные лечащим врачом городской больницы. Медики утверждали, что Михаил нуждался в постоянном контроле сахара крови - эту процедуру ему нужно было проводить до пяти раз в сутки. Кроме того, четыре раза в день больному нужно было делать инъекции инсулина. Плюс к этому - специальная диета и при необходимости прием пищи и в ночное время. Несоблюдение этих медицинских требований могло привести к существенному ухудшению здоровья вплоть до насту-

пления диабетической комы и смерти. Однако через три дня суд, несмотря ни на что, вынес постановление об избрании в отношении Залетина меры пресечения в виде заключения под стражу. Как указано в соответствующем постановлении суда: «Залетин М. А. ранее к уголовной ответственности не привлекался, страдает заболеванием - сахарным диабетом 1 типа, течение которого оценивается средней степенью тяжести, положительно характеризуется, однако подозревается в должностном преступлении, относящимся к особо тяжким преступлениям, за совершение которого законом предусмотрено наказание только в виде лишения свободы, в связи с чем у суда имеются достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, подозреваемый может скрыться от предварительного следствия»... Серьезная болезнь, положительные характеристики с места работы и тот факт, что Михаил никогда ранее не привлекался к уголовной ответственности, почему-то не были учтены.

Михаила поместили в ИЗ 69/1 Твери. В СИЗО у Залетина изъяли находившиеся при нем прибор для измерения содержания сахара в крови, шприцы для инъекций инсулина и все медикаменты. А 18 июня 2004 года задержанному предъявили обвинение в совершении преступления, предусмотренного 290 ч. 4 п. «в» УК РФ за вымогательство взятки.

Между тем защита Залетина подала кассационную жалобу в Тверской районный суд, чтобы отменить постановление о заключении под стражу, но безуспешно - вышестоящая инстанция оставила его в силе...

«Я отсюда, наверное, не выйду», - сказал, прощаясь, Михаил своим родителям на единственном свидании 23 июня. И попросил передать ему так нужный инсулин. Родные Залетина пытались добиться передачи сыну необходимых продуктов и лекарств, обращались к руководству изолятора и просили обеспечить ему хоть какие-то условия. Однако в итоге даже медицинская карта Залетина не дошла до тюремного врача, не говоря уже о большем.

Несмотря на тяжелое состояние, Михаил собирался защищаться. Он утверждал, что невиновен, а взятку ему специально подбросили. Но доказать это он не успел...

29 июня Михаил впал в коматозное состояние. Сокамерники кричали охране, что Залетину совсем плохо, а потом в сопровождении сотрудников изолятора сами на одеяле перенесли больного в медпункт. К слову, врача на месте не было - он уже ушел домой. Оказавшийся на месте фельдшер сделал укол, и через полтора часа Михаил вернулся в камеру. Но той же ночью Залетин вне-

запно начал биться в судорогах, потерял сознание и впал в кому. Опять же сокамерники Залетина вызвали охрану, но медик все не приходил. В итоге даже в соседних камерах стали колотить о двери и звать на помощь. В конце концов Михаила опять же на одеяле понесли к фельдшеру. Вызвали «скорую помощь», но к ее приезду Залетин был уже мертв.

По факту смерти Залетина было возбуждено уголовное дело по ст. 124 УК РФ за неоказание помощи больному. Однако с расследованием вышла полная неразбериха - дело то закрывали, то возобновляли вновь. В итоге виновных в гибели Михаила официально не нашли до сих пор. Что же касается уголовного дела, из-за которого Залетин и оказался в изоляторе, его, как и обычно при смерти обвиняемого, закрыли. Однако мать погибшего, Светлана Залетина, потребовала возобновить расследование. Она надеется, что даже после гибели Михаила можно будет установить, кто прав, а кто виноват. Кроме того, Светлана Залетина решила обратиться с жалобой на действия российских служителей закона в Европейский суд по правам человека. Правовую помощь матери погибшего милиционера оказывают сотрудники правозащитной организации «Общественный вердикт».

- В ситуации, приведшей к смерти Залетина, можно усмотреть несколько нарушений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, - говорит представитель Залетиной в Европейском суде Ольга Шепелева. - Во-первых, возникает вопрос о том, соответствовало ли решение о помещении Залетина под стражу требованиям статьи 5 Конвенции. Эта статья гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность. Она устанавливает, что заключение под стражу лица допускается при наличии обоснованного подозрения в совершении правонарушения и только в тех случаях, когда это действительно необходимо для осуществления правосудия или пресечения противоправной деятельности. Из требований статьи 5 Конвенции следует, что суд, выносящий решение о помещении человека под стражу, должен пояснить, на чем основывались его предположения о том, что подозреваемый может скрыться от следствия и суда, или препятствовать правосудию, или продолжить преступную деятельность.

По словам Ольги Шепелевой, требования российского законодательства в целом аналогичны требованиям статьи 5 Конвенции. Исходя из статьи 97 УПК РФ, основанием для применения любой меры пресечения является наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжит зани-

Виновных в гибели сотрудника второй роты ГИБДД Тверской области Михаила Залетина не нашли до сих пор. Фото из семейного архива Залетиных

маться преступной деятельностью или же может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожит доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу. Статья 98 УПК РФ предлагает различные варианты мер пресечения, которые могут быть применены к подозреваемому или обвиняемому: поручительство, подписка о невыезде и т.п. Помещение под стражу является лишь одной из возможных мер пресечения. Причем, как это следует из статьи 108 УПК, ее можно применить только в исключительных случаях, когда подписка о невыезде, залог или иные меры не смогут обеспечить осуществление правосудия. Согласно статьям 99 и 108, суд, рассматривая вопрос о необходимости ареста, должен учитывать возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий подозреваемого или обвиняемого, а также указать в постановлении об аресте конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых было принято такое решение.

В постановлении об аресте Залетина сказано лишь, что раз по его делу еще не закончено следствие, то он может ему препятствовать, а так как ему предъявлено тяжкое обвинение, то он может скрыться. Вопреки указаниям российского закона и требованиям Конвенции, в постановлении не указано, какие факты убедили судью в том, что Залетин действительно может совершить эти действия.

- Кроме того, хотя в решении суда и отмечено, что Залетин страдает от диабета, в нем не анализируется вопрос о том, насколько это заболевание и предписанные Залетину методы лечения совместимы с режимом содержания в

СИЗО, - говорит Ольга Шепелева. - В частности, перечень продуктов питания, предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые могут иметь при себе лица, содержащиеся в СИЗО, не включает приборов для анализа крови и шприцов для инъекций. Жалоба на нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Залетина уже направлена в Европейский суд. Возможно, что обращение в Европейский суд будет дополнено жалобой на нарушение права Залетина на жизнь. Дело в том, что человек, помещенный

под стражу, не может сам позаботиться о своем здоровье и принять меры для получения адекватного лечения. Следовательно, ответственность за надлежащим обеспечением заключенного лекарствами и медицинским уходом лежит на государстве. В случае с Залетиным государство знало о его диагнозе и необходимых ему методах лечения: родители Михаила передали в СИЗО его медицинскую карту и рекомендации врача-эндокринолога (о потребности в измерении сахара в крови, диете, приятии лекарств), несоблюдение которых

может привести к летальному исходу. Соответственно, возникает вопрос, соблюдались ли эти требования, и что повлекло за собой смерть Михаила. Если в ближайшем будущем расследование по факту смерти не принесет результатов, то жалоба на нарушение статьи 2 Конвенции может быть направлена в Европейский Суд.

Светлане Залетиной сына никто не вернет. У женщины, потерявшей единственного ребенка, осталась одна надежда - попытаться добиться справедливости у Европейского суда.

СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РЯДЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, С КОТОРЫМИ СОТРУДНИЧАЕТ ФОНД «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ»

Красноярский общественный комитет по защите прав человека (Красноярский край)

Образован в 1997 году из Фонда «Правовая защита». Впоследствии к работе организации была привлечена Юридическая клиника, в которой сотрудничают преподаватели и студенты Юридического института Красноярского государственного университета. Одна из основных целей - оказание бесплатной правовой помощи малоимущим. Специалисты Комитета занимаются юридическими консультациями, защитой прав граждан от неправомерных действий правоохранительных органов, оказанием правовой помощи в исправлении судебных ошибок, просветительской работой по тематике прав человека. Кроме того, Комитет активно содействует восстановлению прав граждан, нарушенных государственными органами; собирает информацию о нарушениях прав человека, производит анализ документов и нормативных актов с точки зрения соблюдения прав человека и законодательства, ведет пропаганду по вопросам прав человека.

Новороссийский комитет по правам человека (Краснодарский край)

Работает с 2001 года. Первым проектом Комитета стала юридическая приемная для населения. Одним из самых болезненных стал вопрос, связанный с ущемлением прав мигрантов и вынужденных переселенцев, проживающих на территории Краснодарского края. Поэтому основным направлением работы Комитета стала защита прав мигрантов и беженцев. Комитет занимается защитой прав пострадавших от неправомерных действий сотрудников правоохранительных органов.

«Комитет 29» (Республика Хакасия)

Создана в 2008 году для защиты профессиональных прав журналистов, оказания им помощи, защиты права на свободное получение и распространение информации. «Комитет 29» борется с политической цензурой в средствах массовой информации и давлением на прессу,

с нарушениями принципа свободы слова, а также преследованием журналистов. Организация занимается защитой прав граждан пострадавших от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов. В состав «Комитета 29» вошли известные журналисты, правозащитники и юристы Красноярского края, Хакасии и Московской области.

Пермский региональный правозащитный центр (Пермский край)

Региональная общественная благотворительная организация, создана в 1995 году. Основная цель - содействие гражданам в защите личных свобод, политических, процессуальных и социально-экономических прав. Особое внимание уделяется защите информационных прав, прав заключенных, прав лиц, пострадавших от неправомерных действий сотрудников правоохранительных органов.

Виды деятельности: правовое консультирование, представление интересов граждан в судах и других государственных органах, разработка и распространение правозащитных методик и технологий, разработка проектов законов и других нормативных документов в сфере соблюдения прав человека, правозащитный мониторинг, просветительская деятельность, проведение гуманитарных акций и гражданских кампаний, издательская деятельность.

«Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» (Краснодарский край)

Организация с 2001 года содействует становлению гражданского общества посредством реализации некоммерческих проектов и просветительских программ для местного сообщества. Основная цель организации: отстаивание прав и основных свобод человека, закрепленных в Конституции РФ, федеральных законах, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Организация оказывает помощь гражданам, пострадавшим от неправомерных (произвольных) действий правоохранительных органов.

Наши партнеры

Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток»

603001, г. Нижний Новгород,
улица Кожевническая
д.11, офис 301-304.
тел/факс: +7 (831) 433-14-04
e-mail: komitet@pytkam.net
www.pytkam.net

Республиканская общественная организация «Человек и закон»

Республика Марий Эл
424000, Йошкар-Ола,
Ул. Анциферова, д.4
тел.: (8362) 41-81-52
e-mail: manandlaw@mail.ru

Южно-Сибирский правозащитный центр

654000, г. Новокузнецк,
ул. Суворова, 7
тел.: +7 (3843) 74-66-36
e-mail: pravo@hrsiberia.org
www.hrsiberia.org

Рязанское Общество «Мемориал»

390044, г. Рязань
ул. Ветеринарная, д. 17, Н7.
Тел/факс: (4912) 25 51 17
E-mail: andy@hro.org
http://hro.org/ngo/memorial

Читинский правозащитный центр

Тел.: +7 (3022) 26 – 23 – 23
e-mail: Chita-Pravo@narod.ru
www.chita-pravo.narod.ru

Коми правозащитная комиссия «Мемориал»

Республика Коми
167004, г. Сыктывкар,
ул. Орджоникидзе дом 49 «А», каб. 610
Тел.: (8-8212) 21-43-16
e-mail: kpkmemorial@pochta.ru
www.memorial-komi.org

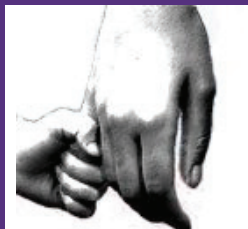
Новороссийский комитет по правам человека

353991, г. Новороссийск, п. Гайдук,
ул. Ясельная, д.4, кв. 41,
Телефон/факс -(8617) 268-245,
aprutina67@yahoo.com,
http://www.hro.org/ngo/nov/index.php

МОО «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных»

350051, г. Краснодар,
ул. Офицерская, 35, к. 9
тел/факс: (861)225-20-12
e-mail: rudakova2002@mail.ru
www.kuban-justice.ru

Красноярский общественный комитет по защите прав человека

660075, г. Красноярск,
ул. Маерчака, д. 6 к. 319.
т. (3912) 21 05 85
anazarov61@mail.ru

Пермский региональный правозащитный центр

614006, г. Пермь,
ул. Сибирская, 19,
т/ф. (342) 212-21-84
e-mail: center@prpc.ru
http://www.prpc.ru/

Межрегиональная правозащитная общественная организация «Комитет 29»

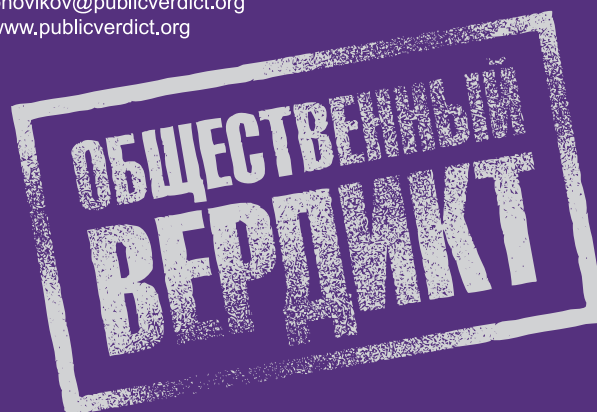
655017, Республика Хакасия,
г. Абакан, ул. Вяткина 39, офис 307.
Тел. 8 (3902) 22-27-50,
e-mail: komitet29@mail.ru
http://www.comitet29.com/

Наши учредители:

- Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева);
- Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»;
- Московская Хельсинкская группа;
- МОО «Открытая Россия»;
- Фонд «Регионы России».

Фонд «Общественный вердикт»

101000 Россия, Москва, Колпачный переулок, 7/2.
ст. метро «Чистые пруды», «Тургеневская»,
«Китай-город».
Тел. +7 (495) 540-68-51
Факс +7 (495) 540-68-52
E-mail: info@publicverdict.org
onovikov@publicverdict.org
www.publicverdict.org

Что такое «Общественный вердикт»?

Фонд «Общественный вердикт» создан в феврале 2004 года и действует как неполитическая некоммерческая организация, оказывающая правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранительных органов.

Среди учредителей фонда – известные российские правозащитные и благотворительные организации – Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»; Московская Хельсинкская группа; МОО «Открытая Россия»; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Фонд «Регионы России».

Целью фонда является формирование в стране атмосферы нетерпимости к практике нарушения прав человека правоохранительными органами. Фонд добивается создания гражданского контроля за их деятельностью.

Фонд оперативно информирует общественность обо всех установленных фактах нарушений прав человека.

Наталья Таубина, директор Фонда «Общественный вердикт»:

– Мы стремимся помочь людям защитить свои права, хотим, чтобы и граждане, и власть руководствовались нормами закона, а такое понятие, как «произвол» стало бы употребляться в качестве характеристики российской действительности как можно реже.

Как работает Фонд «Общественный вердикт»?

- Основным принципом работы Фонда «Общественный вердикт» является принцип открытости.
- Фонд «Общественный вердикт» оказывает правовую и информационную поддержку в деле восстановления прав граждан и организаций, нарушенных правоохранительными органами.
- Содействует правоохранительным органам в предупреждении и пресечении нарушений прав и свобод человека.
- Важным направлением деятельности Фонда является развитие и поддержка региональных партнерских правозащитных организаций.
- Фонд занимается просветительской и аналитической деятельностью, привлекает авторитетные социологические и исследовательские организации для проведения профильных исследований. Разрабатывает рекомендации по совершенствованию правоохранительной системы РФ, организует их обсуждение с участием представителей госорганов и общественных организаций. Проводит общественные и медийные кампании.
- Фонд способствует продвижению международных стандартов прав и свобод человека в Российской Федерации, а также содействует эффективному использованию на национальном уровне международных механизмов защиты прав и свобод человека.

На помощь со стороны Фонда могут рассчитывать граждане России, чьи права и свободы были незаконно нарушены правоохранительными органами.

